

ПЕТУШИНОЕ СЛОВО: РЕТРОСПЕКТИВНЫЕ ЗАМЕТКИ

В.П. Макаренко

Южный федеральный университет

Болезнь Гуттенберга и уроки истории

Непосредственный повод этой работы – болезнь Гуттенберга, которой страдаю с 4-летнего возраста. Среди множества книг читал мемуары А.Я.Гуревича и уже писал о них¹. Но не исчерпал всех сюжетов этой интересной и поучительной книги. Один из них хочу обсудить здесь и теперь.

А.Я.Гуревич сообщает, что именно он в 1960-е годы в СССР пустил в оборот слово «ментальность». Хорошее намерение закончилось по пословице «Благими намерениями вымощена дорога в ад». «Теперь слово это так опошлили, – сетует Гуревич, – что я, как историк, боюсь лишний раз его произносить, потому что могут неправильно понять – имею ли я в виду категорию исторического знания или же то, о чем уже с думской трибуны говорят: «Нам менталитет русского народа не позволяет...»².

Чего же не позволяет думским деятелям России «менталитет русского народа»? С учетом жалобы покойного А.Я.Гуревича присмотрюсь к профессиональному составу Думы. При Ельцине военные составляли во властных структурах 6,7%, при Путине – 26,6%, а в высшем руководстве – 58,3%³. Среди них находится А.И.Николаев – бывший Главком пограничных войск РФ (с 1993 г.), директор Федеральной пограничной службы России (с 1994 г.). В декабре 1997 г. он подал в отставку с поста директора ФПС, не согласившись с решением Президента РФ о неправомерном переносе пограничного поста на российско-грузинской границе. Затем его избрали в Думу.

¹ См.: Макаренко В.П. Пуганый народ и проблема восстановления памятника Ломоносову // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2009, №1 <http://politconcept.sfedu.ru/2009.1/19.pdf>

² Гуревич А. История историка. М., РОССПЭН, 2004, с.115

³ См.: Согрин В.В. 1985-2005: три превращения современной России // Отечественная история. 2005, № 3, с.13. Правда, точка зрения В.В.Согрина не является единственной. Другие авторы начинают отсчет упадка демократии в России с расстрела Белого дома. См.: Островский А.В. 1993. Расстрел «Белого дома». М., Яуза, Эксмо, 2008

Между делом генерал издает книги под своим именем⁴. В предисловии к одной из них А.В.Ларионов характеризует автора как «заботника Отечества» и призывает за него молиться...⁵

Молиться я не умею, хотя в армии отслужил положенный срок. По роду службы имел опыт общения с генералами – от одно- до четырех-звездных. Но тогда я годился им в сыновья или внуки. И потому они были для меня отцами-командирами. Теперь я сам отец-командир. По классификации И.Бестужева-Лада, в России стал ученым такого ранга, который в России соответствует генерал-полковнику. А в Украине – маршалу рода войск. Независимо от моей родословной по возрасту постепенно перехожу в аксакалы. Поэтому имею право выявить структуру сознания генерал-писателя и члена парламента. Буду опираться на научный смысл ментальности в толковании А.Я.Гуревича: это использование литературных и иных текстов для изучения структур сознания, на которые опирается культура⁶.

Генерал включает свое рассуждение о ментальности в «уроки истории»:

Россия находится не в новой исходной точке, а по-прежнему «жестко закреплена» на оси предшествующего развития. Сегодняшний день – это общая равнодействующая усилий сотен миллионов россиян прошлых столетий.

То, что Россия сегодня имеет, – не подарок судьбы, а результат неустанной борьбы народа за выживание. Почти все войны против России приходились на «смутные времена» – периоды становления государственности и неустойчивости ее международного положения. Но тяжелые испытания и потрясения часто приводили Россию к укреплению могущества страны. В советский период Россия создала сверхдержаву со всеми необходимыми параметрами политики, экономики, науки, культуры и военной мощи. СССР – это наша история. Ради выживания на протяжении веков Россия была вынуждена добиваться максимума государственной централизации. Такова основная традиция, которая не укладывается в рамки европейских представлений о демократии и абсолютизме. Правило России – режим осажденной крепости. Он требовал от народа пожертвовать в пользу государства всеми благами демократии: вольностями, вечевыми традициями, возможностями самостоятельного развития городов-республик.

Генерал-парламентарий трактует эти «уроки» как непреложные истины и предпосылки ментальности. А ее природу он выводит не из литературы, структур сознания и культуры (как предлагает историк А.Я.Гуревич), а из совсем другого вопроса: *почему у нас долго запрягают?* Для этого, по его мнению, надо понять национально-психологические своеобразие – менталитет россий-

⁴ Сам пишет или ему сочиняют – этот вопрос я здесь не рассматриваю, хотя чтение «Военно-исторического журнала» позволяет его поставить. В этом журнале появляются статьи о том, как генералы используют литературных слуг, а затем рассказывают об этом. Так что профессия букрайтеров стала не менее универсальной, чем сочинение речей главам государства. См.: Колесников А. Спичрайтеры. М., 2007

⁵ См.: Николаев А.И. На переломе. Записки русского генерала. М., Современный писатель. 1998

⁶ Там же, с.117

ских народов. Особенности исторического развития формируют менталитет, а менталитет выступает фактором исторического поведения и действия людей. Условия такого менталитета следующие: длительное существование России в режиме осажденной крепости; жесткая централизация; частое физическое и моральное перенапряжение; огромные лишения; безграничная вера в царей, «выдающихся руководителей» и героев. Все это, по авторитетному мнению генерала, сформировало у народа России качества высокой государственной дисциплины, жертвенности, выносливости и великого терпения⁷.

Книжка А.И.Николаева вышла более десяти лет назад. В момент, когда я пишу эти строки, в русском Интернете висит более 1330000 сайтов, авторы которых понимают менталитет в соответствии с приказом генерала, хотя вполне возможно, что он его не отдавал... Иначе говоря, все мои соотечественники обязаны жить в режиме осажденной крепости и централизации, до предела напрягаться, быть всегда готовыми к тяготам и лишениям, верить в царей и героев.

Слова известные, как барабанная дробь. Во время службы в Советской армии я изучал устав внутренней службы и пособие для политзанятий. Все эти истины взяты генералом оттуда. Зачем же приплетать менталитет к солдатскому уставу и урокам армейской словесности? И неужели генерал сам все это сочинил? Тут опять помогла болезнь Гуттенберга. А.И.Николаев честно ссылается на книгу некого Ф.Нестерова. Я залез в свой архив, вынул ее конспект. И убедился: все перечисленные сентенции о русском менталитете списаны у кандидата филологических наук Ф.Нестерова. Тот еще в 1981 г. получил за свой опус премию ЦК ВЛКСМ. Видимо, поэтому его книга до сих пор висит в Интернете. Это избавляет меня от ее пересказа – любопытные могут проверить⁸. А я просто констатирую: точка зрения кандидата наук и комсомольского лауреата Ф.Нестерова на русскую историю в целом, Октябрьскую революцию, нынешнюю Россию и вытекающую из них ментальность *предвосхитила* позицию газеты «Завтра». Таково неожиданное следствие использования понятия «ментальность» в парламентских прениях...

Короче говоря, мнения некоторых генералов-парламентариев и кандидатов наук о природе ментальности *совпадают*. Это совпадение задним числом подтверждает мои старые сомнения в продуктивности понятия «ментальность» при обсуждении социально-исторических проблем. Такое чувство у меня зародилось на рубеже 1980-90-х гг., когда в СССР начал возникать ментальный жаргон.

Дискуссия о российской ментальности

Теперь скажу об опосредованном поводе данной статьи. В европейских языках слово «менталитет» означает мышление. Школа «Анналов» превратила

⁷ См.: Николаев А. Понять умом и сердцем // Слово. 1998, № 1, с.3-5

⁸ См.: <http://www.pretich.narod.ru/Iskusstvo/Literatura/nesterov.html>

этот термин в историографическую и культурологическую концепцию. Советская историография пренебрегала методологией школы «Анналов». Но на рубеже 1980-90-х гг. был издан капитальный труд Ф.Броделя «Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв.». Затем начал издаваться альманах «Одиссей», прошли первые конференции отечественных историков по проблеме ментальности⁹, с 1997 г. издается ежегодник по проблемам социальной истории.

Иначе говоря, в начале 1990-х гг. в России наступила мода на слово *ментальность*. Она популярна среди журналистов, парламентариев, историков, психологов, социологов, философов. Я уже применял общую теорию моды Х.У.Гумпрехта к анализу интеллектуально-политических мод типа философии истории, модернизации, глобалистике, геополитике и прочим темам нынешних тусовок¹⁰. Теперь пришла пора на ментальность.

В этом бурном потоке выделяется книга А.Я.Гуревича «Исторический синтез и Школа „Анналов“»¹¹. Глава третья называется «„Геоистория“ и экономический материализм: Фернан Бродель». Книгу я прочел сразу после выхода – и удивился той интерпретации теории Фернана Броделя, которую дает А.Я.Гуревич. Дело в том, что еще на аспирантской скамье я штудировал работы Броделя по методологии истории и социальных наук, а молодым преподавателем читал первое польское издание первого из капитальных трудов Фернана Броделя¹². Затем – по мере перевода на русский язык – вечерами с удовольствием погружался в другой фундаментальный трехтомник великого французского историка¹³. Поэтому я не согласился с той интерпретацией Броделя, которую дает А.Я.Гуревич.

После одного из посещений московского Дома ученых и обсуждения моих сомнений в продуктивности концепта «ментальность» я высказал А.П.Огурцову идею устроить «круглый стол» по проблеме российской ментальности. Александр Павлович согласился, идея была реализована¹⁴.

На «круглом столе» философы обсуждали три вопроса: природа и изменения российской ментальности; ее влияние на культуру и философию; артикуляция ценностей в социальных и политических движениях. В дискуссии участвовали известные специалисты. Поэтому их позиции в значительной мере репрезентативны для философской культуры современной России.

⁹ См.: Куприянов А.И. Историческая антропология в России: проблемы становления // Отечественная история. 1996, № 6

¹⁰ См.: Макаренко В.П. Научно-обывательское знание – интеллектуально-политические моды? // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2009, № 2 <http://politconcept.sfedu.ru/>

¹¹ См.: Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа «Анналов». М., 1993

¹² См.: Fernand Braudel. Historia I trwanie. Warszawa, 1971; Fernand Braudel. Morze Śródziemne i świat śródziemnomorski w epoce Filipa II. Tom I i II. Gdansk, Wydawnictwo morskie, 1977. На эти работы обратил внимание польский аспирант – один из моих старых друзей.

¹³ См.: Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII вв. М.: Прогресс. — Т. 1, 1986; Т. 2, 1988; Т. 3, 1992

¹⁴ См.: Российская ментальность (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 1994, № 1

Первая линия рассуждения – трансляция традиционного противопоставления русской и европейской культуры и философии – развивалась в выступлениях Г.Г.Гачева и А.Н.Ерыгина. Г.Д.Гачев противопоставил менталитету национальный космопсихологос и постулировал наличие национальных логик. Но внутри логики невозможно обнаружить национальные различия, поскольку используются одни и те же силлогизмы, аппарат индукции, дедукции, доказательства и т.п. Для конституирования национального космопсихологоса надо сделать акцент на интуиции, видении, созерцании – образном априоризме (глубинной структуре), которая лежит в основании рассудочного априоризма. По мнению Гачева, европейские языки связаны с указанными видами априоризма (французский отличается симметрией, немецкий – дуализмом).

Русский космопсихологос образует индивидуальную и надындивидуальную структуру национального бытия. Национальная целостность – это единство природы (Космос), характера народа (Психея) и склада мышления (Логос). Русская ментальность не есть «Я» индивидуального бытия и самосознания, а принадлежность к единому целому. Русский космос – это субстанция, «мать-сыра-земля», природа, рождающая русский народ как своего сына и мужа. Но одного мужика для России мало. Ей потребовалось Государство (Гачев пишет это слово с большой буквы, видимо, вместо Бога...) – более мощный осеменитель, начало, форма, порядок, дисциплина, строительная, военная, экономическая энтелехия. Поэтому не мужское, а женское начало есть субстанция и субъект истории России. Бесконечный простор России не может быть освоен атомарной, свободной личностью. Государство же есть действующая и целевая причина.

По мнению Гачева, в этом скрыты основные отличия России от Запада. Русское пространство подобно мамонту и медведю. Европейское – средним млекопитающим (английский дог, германский волк, французская лиса). У мамонта (медведя) процессы протекают медленно. Этим определяется Психея русского человека. Все политики и логики стремились его подогнать. Заимствовали на Западе государство и критерии измерения времени (процессы, формации). Тем самым к мамонту (медведю) применялись мерки собаки, козла и шакала. Этим обусловлена вечная трагедия России – несоответствие шага пространства и шага времени. Оно отражено в фольклоре и в русском Логосе. «Мать-сыра-земля» означает рассеянное бытие и разреженное пространство. Города в России неприютны, средства коммуникации развиты слабо, моментов опосредования (среднее сословие, средний термин в силлогизме) нет. Русский Космос – это точка жизни и тире пустоты. Он адекватнее постигается литературой, а не философией. Схемы историософии (Запад-Восток, капитализм-социализм, атлантизм-евразийство) тоже заимствованы на Западе. Но в русской истории волей всегда обладал Космос, а не общество. Модель русского Космоса – путь-дорога, птица-тройка, космодром в бесконечность. Поэтому указанные схемы надо отбросить и заменить космофией.

Воля космоса сказывается и в русском Логосе. В нем господствует метафора, а не рассудочная логика и строгая философия. Русская философия всегда находилась на грани литературы и религии (софийность). Логос народа – это песня, мат, блатной язык, поэзия и безмолвие. Государство заимствовало свой Логос на Западе. В его состав входят рассудок и догматика, начетничество православия и талмудизм марксистско-ленинской идеологии, научность, план, предопределение, неприятие случая и свободы воли, вестернизация государственного аппарата и интеллигенции. Однако русская логика никогда не соответствовала западной ментальности. Русский ум всегда начинает с отрицания и критики данности, но поиск положительного ответа обычно ни к чему не приводит. Шедевры русской культуры остались незавершенными. Во всех сферах жизни растет «незавершенка», хотя начальство было всегда. Это свойство русской жизни не смогла отменить ни одна власть. Следовательно, формула русской логики – многоточие и незавершенность, а русской культуры – открытость и вопрошание. Поэтому задушевная мечта русского человека – начать все сначала!¹⁵

Концепция русского Логоса была развита А.Н.Ерыгиным. По его мнению, в России философия истории и культурология стали первой формой теоретического национального самосознания. В основе данной формы лежит язык и категориальный аппарат западного способа мысли. Но существует принципиальное различие между европейской и русской цивилизациями: первая базируется на иронии – постоянной рефлексии и самокритике, тогда как развитие русской духовности всегда определялось мифом и религией. Логос медленно входил в духовную жизнь России. Здесь философия развивалась в рамках христианства, а не предшествовала ему. В этом смысле Россия – специфическая Европа. Русский Логос связан с онтологическими глубинами бытия и мышления, он символичен, в нем нет иронии. В России сложился также идеал нравственно-правовой организации общества: способ исторического действия должен совпадать с нравственным идеалом, а решающая роль государственной власти определяется ее союзом с мыслящей частью российского общества. В целом, по мнению А.Н.Ерыгина, специфика русской ментальности состоит в умеренном либерализме.

Философско-историческая линия аргументации развивалась в выступлениях И.К.Пантина и В.К.Кантора. И.К.Пантин связывает проблему менталитета с историей России и анализом причин русского национального характера. По его мнению, менталитет отражает исторический опыт формирования и развития нации. Это – память народа о прошлом, психологическая детерминанта поведения людей, исторический «код», который сохраняется в любых обстоятельствах, включая катастрофические. В прошлом России можно выделить следующие сквозные линии: борьба за выживание и объединение русских земель, связан-

¹⁵ Эти идеи Г.Гачев развивает во многих публикациях, хотя и пишет: «Национальная тема мне уже надоела – дурная бесконечность разнообразий и множеств». См.: Гачев Г. Ментальности народов мира. М., Алгоритм, 2003, с.339

ная с наличием постоянных внешних врагов; связь модернизации хозяйства и общества с европеизацией; с Петра 1 начинается «догоняющая модернизация» – особый тип социально-экономического развития России, переплетенный с реформами и революциями «сверху»; такая модернизация могла быть осуществлена только сильной централизованной властью; россияне всегда жертвовали личными правами ради государства.

Эти факторы объясняют главный инвариант российской истории за последние триста лет: вестернизация – дело прямо или косвенно связанного с государством меньшинства. Все реформы и революции были освобождением народа от одного рабства во имя другого. Это породило безответственность большинства народа, необходимость вмешательства власти в социально-экономические процессы. Она всегда была вынуждена бороться с вековой инерцией и в этом смысле представляла интересы российского общества. Поэтому И.К.Пантин полагает, что лучшим способом борьбы был бы «пруссский», а не «американский» путь развития капитализма.

В.К.Кантор ставит проблему изменения амбивалентной российской ментальности: генотип Киевской Руси связывает Россию с Европой; Московская Русь отторгла русскую культуру от европейской. На уровне повседневного поведения это выражается в осознании человека другой нации как «чужого». Такая амбивалентность присуща всей русской культуре, в которой продолжается спор между «романтиками» и «реалистами». Главный предмет спора – «коренные особенности» России.

«Романтики» полагали ее главными особенностями общинность, соборность и православную веру. Это убеждение выражалось в известных формулах «православие-самодержавие-народность» (при царе), «партийность и народность» (при большевиках). В обоих случаях речь шла об отделении России от Запада. «Реалисты» (начиная с П.Я.Чаадаева) писали о склонности народа к отречению от своих прав, подчинении личности государству, лютом произволе государства (в мирное время) и не менее диком своеволии народа (во время восстаний и революций).

Однако романтики и реалисты согласны с тем, что характерный для России тип государства и социокультурных отношений сложился на рубеже XV-XVI вв. и воспроизводился до сих пор. Его главные свойства – психология осажденной крепости, изоляционизм, мессианизм. На этой почве расцвели утопизм, идея социальной жертвенности, громадный разрыв между словом и делом, мечтой и реальностью¹⁶. Но при любых обстоятельствах народ всегда трудился на

¹⁶ Для характеристики русской ментальности В.К.Кантор цитирует письмо анонимного автора в редакцию герценовского «Колокола»: «Забота об будущем не в нашем духе; на словах готовы мы взвалить на свои плечи хоть все человечество, будем социалисты, демократы, будем говорить об высокой честности с глазами в крови; на деле – боимся всякого труда, всякой мысли, живем настоящей минутой; наш чиновник ворует для того, чтобы покутить, купец мошенничает, чтоб сыну чин доставить, мужик работает, чтоб пьяну напиток. Даже материальной заботы об будущем нет; на того, кто об этом думает, в России показывают пальцами, он предмет насмешек и неприязни». Там же, с.41-42

чужого. Современная трансформация России – очередной вариант сказки про белого бычка.

Начиная с периода правления Н.С.Хрущева, основной мотив большинства населения страны – жить не хуже, чем в Европе и США. Пропали страх и любовь к государству. На социальной сцене торжествует мещанин и спекулянт. Но основной архетип культуры (ментальности) остался прежним: склонность к заимствованию легитимируется «тягой к всечеловечности». По сути, государство не изменилось. Оно бессильно в области защиты прав человека, поскольку всегда ее нарушало. Потеряло желание принуждать людей к труду и сбросило элементарную социальную ответственность. Но по-прежнему всеильно в помехах независимой от него экономики.

В.К.Кантор противопоставляет социальные реформы и культуру. За последние 30 лет русский народ не выдвинул и не воспринял ни одной новой идеи. Однако история русской культуры свидетельствует: появление гения (типа А.С.Пушкина) и рефлектирующего слоя (интеллигенции) важнее социальных реформ. Новое поколение русских людей не связывает надежды на устройство своей жизни с государством. Полагается на личный ум, талант, ловкость и умения. Что выйдет из нового поколения? – пока неясно. Повседневная жизнь в России стала крайне жестокой, хотя более свободной. Но все же постепенно исчезают психология осажденной крепости, чувства изолированности, мессианства и хилиазм. Становятся предметом анализа национальные мифы (соборность, особый путь, общинность, государственность и пр.). Поэтому перспектива развития России столь же скучна, как жизнь в Бельгии или Голландии. Русская тоска постепенно переплетется с европейской хандрой, а Россия будет все более неинтересной. Пора прекратить удивлять мир своими драмами и трагедиями. Но этот процесс растянется на сто лет. Удивляться этому не стоит – заканчивается период детства русской культуры.

Третья линия рассуждения – стремление связать анализ российской ментальности с процессами модернизации, но с акцентом на консервативном сознании. Этот подход развивал А.С.Панарин. Он подчеркивает роль неосознанных барьеров культуры по отношению к любым новациям и опыте осознания опасных последствий авангардизма. Постмодернизм показал, что новейшие социальные формы (рыночная экономика, парламентарная демократия, правовое государство) не являются ценностно-нейтральными. Культура выступает как традиция (тормозит новации, если они не соответствуют ее архетипам) и как церковь (легитимизируя или отлучая те или иные начинания). Социогуманитарное знание открыло инварианты бытия (десять заповедей, ключевые события этногенеза, инфантильный опыт, архетипы), посягательство на которые угрожает опасными деформациями. Эти инварианты воспроизводятся в каждом поколении. Кроме того, европейский модернизм опирался на онтологические и социологические основания. Речь идет о значительном запасе устойчивости европейской культуры и образования в ее истории слоев (классов) населения, кото-

рым нечего было терять. Сегодня эти основания поколеблены. Европейский неоконсерватизм все более смещается от элит к массам. По мнению Панарина, данные тенденции надо учитывать при анализе модернизации в России, включая ее менталитет.

Идентичность европейского человека всегда была двойной, а в России – одинарной. До сих пор любые изменения в России были направлены против ее цивилизационной идентичности. А.С.Панарин не согласен с этой тенденцией. Он предлагает создать особый российский постмодернизм, связанный с ответственностью реформаторов за «инварианты евразийской судьбы» – равновесие славянского и туранского начал, культурный плюрализм, конфессиональная терпимость. Реформаторы постоянно посягали на эти инварианты с позиций «нового универсального порядка» – капиталистического или социалистического. Для России характерно также расхождение письменной и устной традиции, а в Европе эти традиции совпадали. Русская интеллигенция всегда тяготела к письменной традиции, заимствованной на Западе, и от ее имени воевала с малой народной традицией. Русская интеллигенция всегда стремилась объединиться с властью, а то и захватывала ее. В результате холодная война двух культур перерастала в горячую. Этим объясняется парадокс российской истории: консервативное большинство на крутых поворотах истории (раскол, революция 1917 г., нынешняя трансформация) всегда терпело поражение от меньшинства. В любом случае происходил отрыв реформационного и революционного авангарда от основ и базовых ценностей национальной культуры. Разрешим ли вообще этот парадокс?

А.С.Панарин формулирует два возможных ответа: если постмодернизм только стилизация европейской культуры и не затрагивает ее оснований, то неевропейские менталитеты обречены на жесткую вестернизацию; если постмодернизм является серьезной попыткой решения главных проблем современной цивилизации и предполагает возврат к аскезе (прежде всего в экологическом отношении), то произойдет реабилитация неевропейских культур. С этими импликациями связаны два типа реформационной педагогики: жесткая (рационалистическая традиция объяснения и преобразования) и мягкая (герменевтическая традиция понимания и диалога). Пока трудно сказать, что какая-либо западная страна реализует второй тип педагогики.

Тем более это относится к России, пребывающей в состоянии «экзистенциального напряжения». Оно не может быть разрешено до тех пор, пока не решена проблема культурных универсалий. В европейской и русской традиции существуют три способа осознания данной проблемы: человечество имеет единый культурный код; универсалии есть комплекс норм европейской цивилизации, которая продемонстрировала большую эффективность и подавила другие нормы; многоликие культуры в ходе столкновения и диалога находят возмож-

ности для переговоров и преодолевают барьеры непонимания, а единые универсалии культуры возникают лишь в этом процессе¹⁷.

Я не исчерпал все аспекты указанных линий рассуждения. Но главные тенденции нетрудно зафиксировать: стремление связать проблему менталитета с национальными, политическими, культурными и цивилизационными характеристиками страны; осознание проблемы через призму существующих в России идеологий или их комбинации; отсутствие строгого различия между эмпирическим и теоретическим уровнем рассуждения; произвол в отборе фактов для подтверждения того или иного подхода.

Таким образом, часть российских философов поддерживает и разнообразно обосновывает генеральский способ использования слова *ментальность*. Я предлагаю этот способ назвать петушиным словом, почерпнув мудрость из Интернета. На этой свалке петушиному слову приписывают два смысла: 1. В народе об удачливых донжуанах говорили, что они знают «петушиное слово», привораживающее женщин, и оттого могут покорить любую, самую неприступную крепость. 2. «Петушиное слово» – это вполне профессиональный, но официально не узаконенный термин, обозначающий словесное кодовое наименование образца военной техники, находящегося в разработке, но еще не принятого на вооружение: «Тополь», «Гранит», «Москит» и т.д.¹⁸

Итак, в популярном (т.е. Интернетовском) смысле ментальность – это связь между штатскими (обольщение женщин) и профессиональными (новые виды вооружения) свойствами храбрых военных и поддакивающих им философов. Но не все готовы выйти замуж за современных Скалозубов.

Возражения

Проблемно-аналитическая линия рассуждений была заявлена в моем выступлении. На основе анализа текстов славянского фольклора я показал, что русская власть осознается в них как неопределенная вездесущая дьявольская сила, в отношении которой крайне трудно реализовать магические заклинания. На мой взгляд, прежде чем говорить о российской ментальности, надо анализировать политический и идеологический язык России. В том числе тот, который характерен для ранее описанных линий рассуждения. Обращение к ним свидетельствует просто о крушении советского марксизма – одного из типов политического языка как системы норм и регулятивов, в которых существовали фиксированные значения. Однако использование «славянофильских» и «западниче-

¹⁷ В связи с этим А.С.Панарин обращает внимание на модификацию социологических исследований. Раньше социология измеряла успехи личности такими показателями, как образование, квалификация, урбанистические установки и близость к передовым технологиям. Считалось, что социальная группа, обнаруживающая перечисленные признаки, более адаптирована к меняющимся условиям. Современная социология обращает внимание на то, что по сравнению с городскими жителями выходцы из деревни являются более эффективной группой. Они сохраняют нормы ответственности и патриархальной морали, которые более важны по сравнению с данными показателями.

¹⁸ См.: <http://speakrus.ru/28/f2816.htm#4>

ских» схем (которое продемонстрировали предыдущие выступления), на мой взгляд, не помогает понять проблему ментальности.

Эту линию рассуждений продолжил А.П.Огурцов в выступлении, подводящем итоги дискуссии. Не закрывает ли исследование российской ментальности анализ структур личностного самосознания? – так ставит проблему Александр Павлович. Если ментальность облекается в национальные, этнические, политические и цивилизационные одежды (как продемонстрировали выступления большинства участников «круглого стола»), то она становится просто способом артикуляции национальных мифов, идеологических и политических самооценок и предрассудков. В результате обращение к ментальности становится альтернативой анализу самосознания личности и базовых социальных структур. Конечно, на протяжении последних десяти лет произошел кризис идентификации индивидов с партией, государством и церковью. Однако семья устояла. Есть ли тогда смысл говорить о кризисе ментальности?

По мнению А.П.Огурцова, проблема еще более осложняется, если учитывать связь между школой «Анналов», фундаментальной онтологией М.Хейдеггера и структурализмом М.Фуко. Надо анализировать априорные структуры сознания и проводить различие между ментальностью как культурой «бесмолвствующего большинства», идеологией и психологией, а также между психологическими установками масс и элиты. Однако пока не существует строгой исследовательской аппаратуры для исследования данных различий. Большинство зарубежных и отечественных философов, культурологов и историков работает в консервативных или архаических (в смысле А.Тойнби) парадигмах. Пока невозможно сказать, что открыт корпус новых источников для идентификации нового направления исследований. Трудно также провести различие между анализом ментальности – и философской и исторической антропологией. К сожалению, эта тема практически не была затронута участниками «круглого стола».

Я хотел бы развить эти положения А.П.Огурцова, высказанные почти двадцать лет назад. Тем более что есть опосредованный повод. Дело в том, что А.Я. Гуревич почти без изменений воспроизвел текст главы из своей книги 1993 г. в послесловии к первому русскому изданию первого классического трехтомника Броделя, изданному в России спустя более полста лет после выхода во Франции. В обоих текстах Гуревич высказывает серьезные инвективы в отношении концепции Броделя. По мнению Гуревича, Бродель в понимании истории был толстовцем и позитивистом одновременно. По мнению Гуревича, это нехорошо. Вследствие этих главных пороков у Броделя есть и множество частных – по мнению Гуревича:

- Бродель перенес центр тяжести исторического исследования с человеческой деятельности на географическое окружение, и потому «склонен обходиться без людей»; отрицает человеческую свободу в пользу всеохватывающего жесткого детерминизма и не оставляет места для выбора и творчества;

- почти ничего не пишет о крестьянстве и вообще о трудовом населении региона, из-за чего его концепция страдает диспропорциями в освещении социальной истории;

- не изучал взаимодействие мира вещей с духовным миром; не показал внутреннюю взаимосвязь между географическим, социальным и событийным уровнями истории; структуры и конъюнктуры в концепции Броделя «обретают субстанциальность и существуют помимо головы сконструировавшего их историка»;

- не видит проблемы ментальности; игнорирует историю ментальностей и историко-антропологический подход; его концептуальный аппарат не разработан для того, чтобы поставить существенные и актуальные проблемы истории культуры и истории ментальностей¹⁹.

В конечном счете Гуревич называет Броделя поэтом и художником, а не ученым. И выносит вердикт: «Броделево понимание «тотальной истории» внушает сомнения. «Тотальная» или «глобальная история» – не сумма, составляющаяся из многих слагаемых, но синтез, а синтез не достигается перечислением компонентов. Необходимо показать их внутреннюю взаимосвязь и взаимное проникновение. Этого-то в труде Броделя и не обнаруживается»²⁰.

По всем этим причинам применимость метода Броделя к истории весьма ограничена. «Однако дело не только в этом, – пишет Гуревич. – Существует опасность реификации структур, превращения их из средств научного анализа и организации материала в самостоятельные сущности»²¹. Из методологии Броделя можно извлечь только негативный опыт; его концепция не выдержала испытания «большого времени» и не способна искупить «нищету философии»²².

В СССР существовал неписанный закон: все труды зарубежных ученых-гуманитариев выходили с предисловиями, в которых советские «спецы» дружно оплеывали своих зарубежных коллег, делая одновременно себе имя на творчестве того или иного классного иностранного специалиста. Однако А.Я.Гуревич не имеет ничего общего с большинством советских попов марксистского прихода. В постсоветское время такой способ поведения вроде бы потерял актуальность. Но тогда зачем А.Я.Гуревич воспроизводит текст, наверняка написанный в советское время? Возникает ощущение неловкости.

Для подтверждения моих недоумений дам краткий реферат главных идей одного из творцов Новой науки об истории. При этом сделаю акцент на те моменты, которые (по неясным причинам) упустил из виду А.Я.Гуревич в своей интерпретации Фернана Броделя.

¹⁹ См.: Гуревич А.Я. Фернан Бродель, певец Средиземноморья и «времени большой длительности» // В кн.: Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморской мир в эпоху Филиппа 11. Часть 3. События. Политика. Люди. М., Языки славянской культуры, 2004, с.508-535

²⁰ Гуревич А.Я. Указ.соч., с.516

²¹ Там же, с.524

²² Там же, с.532

Реферативно-текстуальный пласт

Начну со сборника статей по методологии истории²³. Фернан Бродель понимал возрождение истории прежде всего как отрицание истории героев, а также идеи Трейчке (которую затем повторил К.Маркс): «Люди творят историю»: «Нет, история творит людей и формирует их судьбу – история анонимная и зачастую молчаливая»²⁴. Приведу главные аргументы Броделя.

Критика традиционной истории и количественной социологии. Люди живут в своем времени, но обычно не понимают его протекания. В системе образования господствует традиционная история – чисто рассудочная спекуляция, полуабсурдная малая наука о случайном и особенном. Она замкнута в бесплодную логику политических событий. Переплетена с историей бессознательных форм социальной действительности. Использует повседневный (литературный) язык. Бессознательная история доступнее непосредственному восприятию, хотя наполовину принадлежит к времени конъюнктур и структур. Такую историю поддерживает старшее поколение ученых и институты, которые возникают перед ученым, когда он прекращает быть революционером, подвергается обуржуазиванию и мещанству духа. Научная история предполагает разработку «основного» словаря и отказа от националистических позиций.

Однако решение этой задачи затрудняется *кризисом социальных наук*, которые остаются под влиянием отсталой и коварной концепции гуманизма. Гуманизм не может служить парадигмой социальных наук. Социальные науки в силу привычки, инстинкта и исследовательских традиций всегда стремятся отбросить историческое объяснение с помощью двух способов: 1. Крайнее расширение событийного слоя в социальных исследованиях, опора на методы эмпирической социологии, которая пренебрегает любой историей и ограничена данными краткого времени в стиле репортажа. 2. Выход за рамки времени в убеждении, что на рубежах «науки и коммуникации» можно достичь математической формулировки практически вневременных структур.

Оба способа – тупики социального знания.

Слой событий давит на все социальные науки и на историю: «Социальная действительность – это значительно более хитрый зверь, чем принято думать»²⁵. Урок истории – это предостережение перед событиями. Но чтобы прислушаться к данным предостережениям, надо отвергнуть категории краткого времени. Не приписывать аутентичность актерам, производящим больше шума. Есть актеры, склонные к молчанию – безмолвствующее большинство. Их и надо изучать.

Между тем социальные науки ориентированы на власть и на текущий момент. Поэтому экономическая мысль находится в тупике: «Экономисты привыкли спешить на службу современности, на службу правительствам»²⁶.

Эмпирическая социология тоже погружена в недействительное настоящее, поскольку связана с потребностями государственной политики. Общий рынок наук о человеке не может

²³ См.: Fernand Braudel. *Historia I trwanie*. Warszawa, 1971. Статьи называются «Возрождение истории», «История и общественные науки: длительные временные протяженности», «Спор о кратком времени», «Проблемы коммуникации и социальная математика», «Время историка и социолога», «Единство и различие наук о человеке», «Об исторической экономике», «Проблемы истории цивилизации». Из этих статей в научной литературе России цитируется преимущественно статья «История и общественные науки: длительные временные протяженности». Если судить по свежей статье (См.: Хакимов Г.А. «Время большой длительности» Ф.Броделя как методологический принцип социально-гуманитарного познания // http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=63&Itemid=52), остальные методологические труды Броделя пока не введены в научный оборот России.

²⁴ Fernand Braudel . *Op.cit.*, s.28

²⁵ Там же, с.64

²⁶ Там же, с.62

возникнуть из двухсторонних договоров и частичных таможенных союзов, сфера которых будет затем расширяться.

В социальных науках господствует антиисторизм. Они не могут, не умеют и не хотят тянуть живые соки из прошлого. Надо отбросить все социологии прогресса и порядка, понятия непрерывного социального движения к одному идеалу, окончательной социальной структуры (кристалла), которая не была исчерпана в ходе истории: «Согласовать порядок с прогрессом невозможно»²⁷.

Старый спор о субъективности и объективности в социальных науках – кандалы на ногах. Новая социология не может возникнуть, пока в университетах существует традиционная история и география в виде переодетой геологии и наивной туристики. «Слово экология позволяет социологу избежать слова география, а вместе с ним и всех проблем, связанных с странством»²⁸. География ограничена непостоянной современностью, ее ложным существованием и ложным изложением фактов.

Социология событийного слоя истории является мнимой, поскольку великие люди в ней понимаются как властные дирижеры. Такая социология наполняет библиотеки, картотеки правительств и предприятий. С нею связана игра в периодизацию.

Понимание современности. Бродель отталкивается от факта: после франко-прусской войны 1870-1871 г. Я.Буркхардт в Базельском университете прочел цикл лекций о Французской революции. По его пророчеству, эта революция была первым актом, увертюрой, началом цикла – века революций, которому суждено продолжаться долго. Лекции Я.Буркхардта – свидетельство давления большой истории.

Наиболее интересны те исследования краткого времени, которые связывают социологию, психологию и экономию. Исследователь современности только тогда может приблизиться к тонким нитям структур, когда возьмется за труд реконструкции, выдвижения гипотез и объяснений, отбрасывания действительности в той форме, в которой она является. Таковую действительность надо нарушать и выходить за ее рамки для того, чтобы господствовать над ними. Суть всех таких действий – реконструкция.

Поскольку судьба общества постоянно ломается, дисконтинуацию надо признать повторяющейся катастрофой, а не исключением: «Дисконтинуация, которая не останавливается на пересечении судьбы отдельных и мелких индивидов, а наносит удар по большим социальным телам, социальным символам, идеологиям и цивилизациям, которые вдруг и под влиянием резкого удара лишаются своего содержания, – такая дисконтинуация на основании своей повторяемости предстает как историческая действительность»²⁹.

Так понятая социальная реальность противостоит истории: «Революция как главное потрясение современности является именно распадом прежней поверхности и разных форм принуждения. Никто не в состоянии избежать такой катастрофы. Возникает новая цивилизация, которая должна подвергнуть проверке все цивилизации»³⁰.

Современность – это не индивидуальная и повседневная жизнь, а огромная масса времени, начавшаяся в XVIII в. и еще не закончившаяся. Примерно в 1750 г. мир вступил и продолжает идти по пути потрясений и катастроф, которые не являются участием только западной цивилизации. Промышленная и научная революция – элемент этого пути. Но научная революция затронула только естественные науки. Науки о человеке еще не нашли присущего им способа успешного действия. И пока не найдут, говорить о революции в социальных науках невозможно. Сюда же входит разрыв со старыми цивилизационными циклами. «Совре-

²⁷ Там же, с.130. Стремление к роскоши нередко бывает инициатором и фактором прогресса при условии существования теории роскоши, которой пока нет.

²⁸ Там же, с.85

²⁹ Там же, с.149

³⁰ Там же, с.308

менность – это прежде всего инфляция цивилизаций, а также реванш единства цивилизаций над множеством цивилизаций, реванш, конца которого еще не видать»³¹.

Концепт истории-социологии. Вместо описания слоя событий надо говорить о кратком времени. Оно измеряется мерой индивидов, повседневной жизни, иллюзий, кратких моментов, в которых мы осознаем действительность. Такое время характерно для хроникера и журналиста: «Существует краткое время для всех форм жизни – экономической, социальной, государственной, религиозной, даже географической (ветры или бури), подобно политической жизни»³². В наибольшей степени краткое время характерно для политической истории (или истории событий). Историография последних ста лет почти исключительно занималась политической историей и драмой «больших событий». Оставалась в рамках краткого времени и ограничивала им предмет собственных исследований.

Развитие историографии последних ста лет свелось преимущественно к отказу от политической истории в пользу социальной и экономической. Но прежде всего произошла смена времени. Историк теперь располагает новым временем, поднятым до ранга объяснения. Это – социальная история, в которой применяются количественные методы. Такие исследования должны были привести к определению социальных структур и конъюктур.

Экономическая и социальная конъюнктура различаются между собой. В состав социальных структур входит наука, техника, политические институты, средства мышления и цивилизации. Они обладают своим ритмом жизни и темпом роста. Новая история конъюктур только тогда приобретает надлежащую форму, когда сможет упорядочить указанный оркестр. Для этого надо связать краткую и циклическую историю, которые объединяет общая тенденция секуляризации. Но экономисты почти не интересуются историей секуляризации.

Второй исследовательский ключ – это структура, в состав которой попадают длительные временные протяженности. Наблюдатели социальной действительности привыкли понимать под структурой определенную организацию и целостность, тесные отношения между действительностью и социальной массой. Для историков структура есть множество и архитектура, но еще более действительность, которую время долго несет на своих волнах и использует в незначительной степени. Определенные структуры существуют долго и становятся постоянными элементами для бесконечного числа поколений. Они переполняют историю, затрудняют ее течение и потому руководят историей. Являются одновременно подпорками и помехами. В качестве помех играют роль границ и петель, которые не может преодолеть человек и его опыт: «Достаточно подумать о трудностях, с которыми сталкивается любая попытка сломить определенные географические рамки, биологические потребности, границы производительности труда, продуктивности или даже те или иные каноны духовной жизни. Рамки мышления – это также тюрьмы длительных временных протяженностей»³³.

«Для меня история, – писал Бродель, – есть сумма любых возможных историй – множество вчерашних, сегодняшних и завтрашних ремесел и представлений»³⁴. Ни одна из них не может претендовать на монополию. Все науки о человеке, включая историю, стимулируют друг друга.

Бродель использует идеи *глубинной социологии* Ж.Гурвича, которая полагает исходным пунктом познания ученого и связана с понятиями «глубинного Я» Бергсона и феноменологической редукции Гуссерля.

Социолог познает восемь слоев социальной действительности. К ним относятся: экологическая и морфологическая поверхность общества (географический слой, число людей и человеческих игр); надстройки или социальные архитектуры вместе с присущими им механиз-

³¹ Там же, с.310

³² Там же, с.51

³³ Там же, с.55

³⁴ Там же, с.59

мами насилия (социальные институты, коллективные установления, обязательства и навыки); социальные модели (язык жестов, специфика пищи, навыки и формулы этикета, народные праздники, формы воспитания и политической жизни, которые формируют поведение, духовную, коллективную и индивидуальную жизнь); закономерности внеинституционального поведения (образцы жизни, традиции, обычаи, рутинные навыки, моды, формы удивления, любви); социальные роли; коллективные установки и социальные символы (мистические, мифологические, рациональные); формы социальных новаторских и творческих волнений; коллективные идеи, ценности, состояния сознания и коллективные психические акты.

Эта цепь есть переход от почти неподвижного или структурированного общества к *обществу, которое находится в состоянии разложения и творчества*. Такое общество и является главным предметом новой социологии. При этом понятие социальных институтов отвергается, поскольку оно оправдывает умственную лень и недостатки. Чем более сложен социальный тип, тем он оригинальнее и специфичнее.

Социальная математика использует три языка: традиционный математический язык необходимых фактов (когда дан один факт, другой следует за ним); язык алеаторических фактов, который со времени Паскаля входит в расчет вероятности; язык обусловленных фактов (не детерминированных и не алеаторических), которые подчинены требованиям и правилам теории игр.

Со ссылкой на Леви-Стросса Бродель пишет, что все системы родства вечны, поскольку человеческая жизнь становится невозможной при выходе за определенные границы общности крови. Малая группа людей для того, чтобы выжить, должна открываться внешнему миру. Поэтому запрет инцеста становится элементом длительной временной протяженности.

Время историка и социолога. Время социологов отличается от времени историков, оно менее обязательно, менее конкретно и никогда не находится в центре их проблематики и размышлений.

Длительная протяженность, конъюнктура, событие без труда переплетаются и измеряются на той же самой шкале.

Философ, который ориентирован на субъективный внутренний аспект понятия времени, никогда не чувствует давления исторического конкретного универсального времени. В качестве путешественника он всегда идентичен самому себе, проходя через мир и навязывая всюду одни и те же запреты и приказы, независимо от страны, политического строя и социального порядка.

Историк принципиально отличается от философа. Для историка время является внешним по отношению к людям, которое ими движет и принуждает. Социолог ближе к диалектике длительности и в этом смысле отличается от философа и историка: «Социальное время – это просто особое измерение воспринимаемой мною социальной действительности»³⁵.

Структурный социальный кризис должен также восприниматься во времени и посредством времени, располагаться сам в себе, а еще больше – относительно движения соседних структур. Отстраненные от власти и передовые классы в наибольшей степени сопротивляются изучению глобального общества, тогда как властвующий класс согласен на такое изучение в убеждении, что он господствует над обществом.

Со ссылкой на Гурвича Бродель выделяет следующие виды времени: длительное и медленное; иллюзорное или неожиданное; время нерегулярного ритма; цикличное; запоздание относительно себя самого; время изменчивости между запозданием и опережением; время, опережающее самое себя; взрывное время.

Все эти виды времени накладываются на пять архитектур: глубинные слои; социальные связи; социальные группы; глобальные общества; время. Длительная временная протяженность – наиболее полезная линия наблюдения и рефлексии для всех социальных наук.

³⁵ Там же, с.81

Американские финансисты (современники П.Моргана) для внутреннего и внешнего употребления начали пользоваться двойным языком. Последний имеет характер дискурса, адресованного общественному мнению, в котором успех финансиста представляется как триумф сэлфмейдмена и условие благосостояния нации. Существование двойного языка – типичная реакция любого класса, который чувствует, что его престиж нарушен, а привилегии находятся под угрозой. Чтобы его замаскировать, он должен стремиться к отождествлению собственной судьбы с судьбой государства и нации. Такая модель может существовать на протяжении столетий. Она предполагает наличие определенных социальных условий, сохраняет свою ценность для длительных отрезков времени и одновременно относится к более определенным и узким действительностям.

Об исторической экономии. Историческая экономия интересуется большими системами, общим и постоянным измерением. Она может быть полезна при формулировке и решении широких проблем современности.

Для современников факты имеют одинаковую важность, а великие события, создающие основания будущего, происходят в тишине: «Историк с первого взгляда наблюдает группу победоносных событий в огне жизненного соперничества. Но эти события смешиваются и упорядочиваются в рамках совершенно разных и противоположных возможностей, из которых жизнь осуществляет окончательный выбор. На одну реализованную возможность падает 10, 100, 1000 таких возможностей, которые не развивались, и бесконечное число тех, у которых не было даже смелости оказаться в свете истории. Но их надо пытаться обнаружить, поскольку эти проигравшие движения являются многообразными материальными и нематериальными силами, которые в каждый момент тормозили великие порывы развития, способствовали их запозданию и иногда преждевременно их ломали. Поэтому их необходимо познать»³⁶. Эти тормоза можно назвать инерцией, не придавая слову отрицательного значения.

Любое исследование прошлого должно включать скрупулезное измерение всех барьеров и тормозов данной эпохи – географических, технических, социальных, административных. Чем больше страна (типа Китая), тем больше барьеров, из-за которых происходит потеря человека. Эти барьеры являются одновременно глубокими и достойными сожаления, хорошими и плохими. Они одновременно образуют помехи для наилучшего и наихудшего, но всегда стоят на пути самого необходимого социального прогресса.

Традиционный историк реагирует на краткое историческое время биографии и событий. Это время не интересует социальных и экономических историков. Общества, цивилизации, экономические уклады и политические институты живут в менее поспешном ритме. Именно такая история является структурной. Она противостоит не столько истории событий, сколько истории конъюнктур, которая образуется относительно короткими волнами.

Спор о континуации и дисконтинуации вытекает из того факта, что крайне редко учитывается множество исторического времени. При его учете все наши средства, мысли и понятия становятся сомнительными. Вся система обучения, основанная на иллюзорной идее возврата к прежним ценностям, является устарелой. Надо создать климат огромной общей дискуссии.

Проблемы истории цивилизации. Традиционная история замкнута в бесплодную хронику политических событий. Она должна быть расширена за счет событий, выходящих за рамки официальных лиц и политики. В этом смысле анализ глобальной истории сопрягается с изучением цивилизаций. В данной истории государства – эфемерные образования. Они приговорены к краткой жизни и неожиданной смерти, ибо время их существования намного короче времени бытия цивилизаций (А.Тойнби)

Программа исследования цивилизаций включает негативные и позитивные исследовательские постулаты.

³⁶ Там же, с.117

Негативные постулаты сводятся к следующим положениям: разрыв со всеми предшествующими традициями исследования; отказ от распространенных стереотипов языка и мышления (цивилизация не есть бытие, организм, индивид (личность), тело (даже историческое), цикл рождений, жизней и смертей).

Позитивные постулаты таковы: поиски наиболее удобной дефиниции; проверка содержания цивилизации и использование для этой цели историков и специалистов в области всех наук о человеке; установление строго определенных задач; главное в анализе цивилизаций – изучение инерции социальной и экономической жизни.

Цивилизации – это и есть длительные временные протяженности, к которым применимы все описанные процедуры: «Иначе говоря, цивилизации выходят невредимыми из политических, социальных, экономических и даже идеологических переворотов, которыми они нередко скрыто и с большой силой руководят. Французская революция не является совершенно особой цезурой в судьбах французской цивилизации, а революция 1917 г. в судьбах русской цивилизации, которую некоторые определяют как восточную православную цивилизацию»³⁷. Важно понять, как происходит старение общества в 10-15-20 разных направлениях времени, раз быстро стремясь в одну сторону, а раз очень медленно в другую.

Главная идея Броделя состоит в следующем: во всемирной и локальных цивилизациях надо выделять слой событий, конъюнктур и длительных временных протяженностей. «Человек, по сути дела, постоянно остается узником определенной границы, за рамки которой он не может выйти»³⁸. Отсюда вытекает производная идея социального паразитизма, которая должна быть обоснована всем комплексом наук о человеке. Субъектами паразитизма являются современные государства. На растущих волнах социальных карьер государство приводит в движение свое собственное колесо.

Второй сборник статей «Средиземное море. Пространство и история, люди и наследство» является кратким резюме концепции и конкретных исследований Ф.Броделя и его коллег. Он тоже не цитируется в отечественных публикациях о Броделе. Рассмотрю его главные идеи, руководствуясь принципом «Повторение – мать учения».

История – это постоянное вопрошание времен прошедших от имени проблем, интересов, тревог и опасений сегодняшнего дня, которые окружают и охватывают нас со всех сторон³⁹.

В первой части под названием «*Пространство и история*» анализируются проблемы: земля, море, рассвет истории, Рим, история, пространство.

Тема *земли* – это описание геологии в состоянии кипения, гор на всех побережьях моря, солнца и дождя, образа земли как объекта захвата, традиционного общества, сезонного перемещения стад и кочевничества, равновесия жизни. Перегон стад из гор в низины образовал особую категорию людей – кочевников-номадов, которые жили вне общепринятых правил поведения и вне закона: «Кочевничество – это некое определенное целое: стада животных, мужчины, женщины и дети вместе меняют место пребывания, переноса на огромные расстояния все предметы, которые служат им в повседневной жизни»⁴⁰.

Тема *моря* – это анализ ограниченных источников питания, богатые уловы, появление кораблей дальнего действия, умения плавать при плохой погоде, системы строительства кораблей, отношения между кораблями и лесами, квалификацией моря как коммуникационной

³⁷ Там же, с.302

³⁸ Там же, с.307. Этот тезис Бродель иллюстрирует на примере принадлежности к определенной религии: «Я никогда не занимался историей религии, поскольку ощущал, что в этой сфере я бы потерял толерантность и либерализм и был бы пристрастным. Несмотря на симпатии к католицизму я был бы против католиков, поскольку порвал с ними, против протестантов, поскольку среди них чувствовал бы себя католиком, против свободомыслящих, поскольку не являюсь совершенным свободомыслящим». Там же, с.345

³⁹ Braudel F. I in. *Morze Srodziemne. Przestrzen I historia, lud I dziedzictwo*. Warszawa, 1994, с.7

⁴⁰ Там же, с.24

системы. Море завоевало землю: «Любопытство, приключение, прибыль, амбициозная и не знающая меры политика государств осуществили и навязали такой захват. Вместе с воинственными государствами и цивилизациями большая история упорно преодолевает границы моря, подчиняет его и владеет его путями для того, чтобы противник не мог их использовать и владеть ними по своей воле»⁴¹.

Тема *рассвета истории* связана с анализом революционных изменений на Ближнем Востоке, первыми кораблями и цивилизациями, появлением Средиземного моря как моря купцов, анализом разрыва между Кноссом и Микенами, неясных катастроф темного ХII в. до н.э., средиземноморского Дальнего Востока, Финикии как страны, которую столкнули в море, а Карфаген стал отростком Финикии, состояния между обменной торговлей и деньгами, появлением городов и идеи троичности божества (царь богов, богиня-мать плодородия и молодой бог, предназначение которого заключается в ежегодном рождении и умирании), появление двух Средиземных морей.

На основе морской торговли возникает совершенно новый феномен – космополитическая культура, в которой можно распознать вклад разных цивилизаций, созданных на морских побережьях или на море. Одни из таких цивилизаций охвачены границами мощных государств (Египет, Месопотамия, Малая Азия), другие опираются на море и города, расположенные на сирийско-ливанском побережье (Крито-микенская культура). Эти цивилизации сообщаются между собой и ориентированы вовне, а не на себя. Это – эпоха путешествий, обмена дарами и дипломатической корреспонденцией, отдачи дочерей замуж за чужеземных королей для гарантирования новых «международных» отношений. С УШ в. до н.э. начинается давление на Запад. Идея Троицы возникает из древнего мира семитского воображения, который был близок земле, горам и водам. Ее жестокие и простые обряды были тождественны обрядам, которые некогда отправляли под голым небом номады. На Средиземном море соединены экспансия с Востока на Запад и с Севера на Юг.

Раздел «История» предполагает акцент на цивилизацию, взгляд вглубь веков, понятие телеистории, круговорота цивилизаций, акцент на запоминание только конфликтов цивилизации, подчеркивание того, что цивилизация не образует всей истории, анализ роли экономических факторов, захвата Средиземного моря северными народами, эпохи до и после строительства Суэцкого канала.

Средиземноморской регион – это три огромные культурные общности, цивилизации, стили мышления, верования, питья и жизни, – христианство, ислам, православие: «В действительности – это три монстра, всегда готовые показать зубы, три фигуры бесконечной судьбы, существующие здесь всегда, по крайней мере, долгие столетия. Их границы выходят за границы государств, а государства для них являются только легкими остатками (скелетами) арлекинов, не больше»⁴².

Главное свойство цивилизаций – постоянство, нерушимость в пространстве и времени: «Цивилизация – это по существу не только религия, хотя последняя находится в центре любой системы культуры. Цивилизации – это искусство жизни, тысячи повторяющихся способов поведения»⁴³.

Две родственные религии (католицизм и православие) отличаются друг от друга потому, что слова-ключи не имеют для них одинакового значения:

1. В греческом и церковно-славянском языке истина означает то, что существует постоянно, вечно, в действительности, вне созданного мира, как его воспринимает наш разум. Истина означает одновременно правду и справедливость.

⁴¹ Там же, с.37

⁴² Там же, с.93

⁴³ Там же, с.97

2. В латинском языке истина всегда означает определенность (уверенность), действительность, познаваемую разумом.

Существует еще ряд отличий между Западом и Востоком: на Западе сакральное предполагает существование религиозной иерархии, поскольку только она обладает силой придания предметам сакраментального характера;

на Востоке священное есть прежде всего «тайна», недоступная для ума и происходящая прямо от бога; на Западе образ Христа приобретает характеристики жалости, муки, страдания, смерти Христа-человека; на Востоке (в неделю, предшествующую Пасхе) Христос принимает характеристики Бога, а сам праздник проходит под знаком радости и песнопений, прославляющих Христа-Бога; на Западе спаситель всегда страдает, на Востоке он обладает покоем даже в смерти. Отсюда вытекает: «Великие игры современности нередко были предприняты – выиграны или проиграны – еще в прадавние времена»⁴⁴.

В разделе «Круговороты цивилизаций» описываются свойства цивилизаций: 1. Они являются существующими крайне долго действительностями. 2. Сильно связаны с географической территорией. 3. Хотя более сильная победившая цивилизация нередко проникает на территорию слабой и колонизирует ее, создавая там свои опорные пункты и командные пункты, но в длительной перспективе такая авантюра приобретает плохой оборот, а исключения лишь подтверждают правило. 4. Правило цивилизаций со зрелой структурой – постоянно прогрессирующий упадок, хотя он происходит в крайне медленном темпе. 5. Каждая зрелая цивилизация распадается очень медленно, и обычно именно в период заката обретает большее самосознание, стимулирует и создает решительный культурный национализм.

Все эти процессы (длительные и краткие) есть один тип проблем. Речь идет о доказательствах, подтверждающих экспликативную ценность концепции цивилизации, хотя эта концепция кажется слишком сложной и шаткой. При этом всегда следует помнить: 1. Только конфликты цивилизаций являются верстовыми столбами для любых связных описаний. 2. Эти конфликты могут быть краткими и длительными, но они бросают свет на скрытые, грубые, повторяющиеся удары, наносимые друг другу мощными бестиями (чудовищами)-цивилизациями. 3. Цивилизация означает войну и ненависть. Они почти наполовину скрываются в тени. Цивилизации продуцируют, кормятся и живут ненавистью. 4. Перед судом истории обе стороны конфликта были бы признаны виновными и приговоренными и ни одна из них не права. Но обычно неизвестно, кто виновен и невиновен. 5. Цивилизации отличаются инерцией, в период которой они порождают конструктивную ненависть. Ее отсутствие ведет к поражению.

Все предшествующие замечания сводятся к утверждению: «Будущее принадлежит только тем, кто умеет ненавидеть. По существу, цивилизации слишком часто живут неблагодарностью, презрением и отвращением по отношению к другим. Однако в них существует не только это. В них присутствует также жертва, излучение, накопление благ культуры, наследство разума»⁴⁵. В этом смысле войны обеспечивают также многообразный обмен техник, идей и даже верований. В итоге возникает пестрая смесь.

Однако даже самая большая по территории и последовательности времени существования цивилизация в конечном счете не исчерпывает всю историю. Не менее очевидно, что политика постоянно говорит свое слово, навязывает свою волю и сталкивает на второй план все остальные силы и формы истории. Навязывая всему миру собственную волю и политическое единство, политика (Рим здесь является показательным примером) не в состоянии преодолеть различий, расхождений, переворотов и культурных конфликтов. Она может лишь навязать всему региону верховный язык своей политики и своих институтов.

⁴⁴ Там же, с.99

⁴⁵ Там же, с.102

Экономические факторы играют большую, а нередко решающую роль: «Общество было бы ничем без экономической эксплуатации, которая поддерживает общество в состоянии равновесия, а государства без нее были бы инерционными механизмами. Если речь идет о цивилизациях, то они сохраняются и расцветают только благодаря хозяйству. Расцвет означает расходы и транжирство»⁴⁶. Несмотря на широту, средиземноморская цивилизация признает только одного господина – обмена, неравенства и выравнивания торговой жизни.

Глава «Пространство» включает следующие важные моменты: житель средиземноморского региона является крестьянином по принуждению, вопреки своим желаниям, поэтому он ведет городскую жизнь; концентрическая иерархия интересов, неравенство в заселении территории и колебания в эксплуатации земли находят свое выражение в контрастах ландшафта.

Модель городского сообщества есть нечто большее, нежели совокупность домов, памятников и улиц, а также большее, чем экономический, торговый или промышленный центр. Город как пространственное отражение социальных отношений одновременно разделяется и формируется связью пограничных линий. Они отделяют светское от сакрального, труд от отдыха, публичную жизнь от приватной, мужчин от женщин, а семью от всего, что для нее является чужим. Город дает нам также матрицу для прочтения тайнописи.

Публичное пространство в городе определяется двумя свойствами:

1. По отношению к дому, который является местом отдыха и сна, но образует замкнутое, интимное, женское и защищаемое пространство.
2. По отношению к окраине – «пустой» деревне, которая является открытым пространством, но образует место труда и природы.

Следовательно, публичное пространство в городе есть место нетрудовой деятельности – памятников, торжеств, жестов, зрелищ, отдыха и забавы. В регионе Средиземного моря всего 1000 человек, живущих земледелием и продажей его продуктов, достаточно для основания города, вместе с присущими ему солидарностями и противоречиями. В других местах даже в два раза большее число людей едва хватает для создания деревни. Все уровни жизни вытекают из одной модели.

Собственный дом символизирует независимость, а сад и огород означают труд для себя и определенную степень независимости. Дом есть царство семьи и частных дел потому, что он является царством женщины – кормильницы и родительницы, а также место основных биологических действий – еды, сна и прокреации.

Европейские общества приняли аристократическую модель чести. Она понимается как отношение к самому себе, а не к другим, как моральная ценность, которая по определению не может ставиться под внешнюю угрозу. Эти общества признали, что по сути дела она есть атрибут высших классов. Однако в регионе Средиземного моря честь имеет одинаковую цену во всем обществе, у бедняков и богачей, и даже у бедных больше, чем у богатых, поскольку честь – единственное благо тех, кто ничем не обладает.

На примере исламских обществ Бродель формулирует общее правило: «Везде, где сильное иерархизированное государство не смогло постоянно навязать свой авторитет, его политическое равновесие зависит от равновесия между родами»⁴⁷.

Восприятие спорта и политики, хотя они являются функциями очищения страстей тела, невозможно с точки зрения нейтрального наблюдателя.

Часть 2 под заглавием «Люди и наследство» включает обсуждение следующих тем: один бог, римское чудо, семья, путешествия, Венеция, наследство. Первые две главы не содержат ничего нового.

В главе «Семья» важны следующие моменты:

⁴⁶ Там же, с.104

⁴⁷ Там же, с.127

Вплоть до капиталистической цивилизации в концепции семьи воплощаются две взаимосвязанные идеи: нераздельной цельности и независимости: «Дом – это место, в котором сосредоточены все члены семьи, а отношение зависимости и подчиненности связывает всех членов с лицом, которому приписывается высший авторитет»⁴⁸.

Все функции семьи ведут к тому, что в традиционном обществе нет ни абсолютно индивидуальных личностей, ни биографии как начала синтеза индивидуальной судьбы. Поэтому не существует ни индивидуальное решение, ни индивидуального выбора средств существования. «В определенном смысле история как коллективное действие образуется посредством частичного труда каждой семьи»⁴⁹.

Проявления политической деятельности выражают не только обязательный способ принятия важных решений, но и одновременно модель отношений с группами и общностями, которые непосредственно не зависят от ячейки семьи. На протяжении длительного времени в районе Средиземного моря труд в пользу отца выражал патерналистское отношение «отец-сын», а супружеский союз имел своей задачей санкционировать отношения политического и экономического характера.

Отношения в семье и порожденные ею эмоции претендуют на универсальную ценность и становятся органическим основанием социальной коммуникации. Посредством них политическая и религиозная власть может укоренить в народной ментальности обязанность уважения и подчинения. Та же самая идеология навязывается в форме схемы раздела отцовских милостей.

Вот здесь и возникает проблема ментальности. Надо подробно исследовать механизмы, управляющие образованием коллективной ментальной структуры: «Эта задача чрезвычайно трудна, поскольку не существует «остатков ментальности», а «археологические раскопки», осуществляемые в групповой психике, силой вещей осуществляются путем индуктивного рассуждения и отталкиваются от опосредующих тропов. Поэтому следовало бы остановиться на доказанных и конкретных фактах, подобно тому, как это делается в случае руин дома, который сравнен с землей: на их основании можно реконструировать план фундаментов, но его подъемы и стиль останутся только в сфере воображения»⁵⁰.

Под структурной организацией (семьи) Бродель понимает два аспекта: экономические и материальные основания выживания; формы организации семейной ячейки, власти и совместной жизни (отношения родства и свойства). Если эти данные приближают образ чувств и способов мышления миллионов пахарей, пастырей, ремесленников, нищих, женщин, детей и стариков, то затем можно попытаться познать и психологическое и культурное наследство, начала которого постичь невозможно.

Однако модель семьи и супружества не является образцом гармонического общества: «Патриархальное общество навязывает жесткую схему функций, задач и авторитарных ограничений. С одной стороны, эти принципы необходимы для того, чтобы гарантировать семье сохранение единства в крайне трудных условиях среды и технологии. С другой стороны, они одновременно образуют мощную преграду для любого позитивного развития социальной и экономической структуры»⁵¹.

Капиталистические формы производства породили тип семьи, свободной от значительной части моральных и материальных функций, которые в прошлом организовывали целостность личной и социальной жизни. Огромные городские агломерации включают в себя не коллективы и солидарные группы, а мириады независимых семейных ячеек, существование которых целиком подчинено сети распределения услуг и продуктов, обеспечиваемых

⁴⁸ Там же, с.180

⁴⁹ Там же, с.181

⁵⁰ Там же, с.182

⁵¹ Там же, с.195

рынком. Однако освобождение из-под ярма аппарата семейного контроля, основанного на авторитете предков, не было полным с точки зрения «качества», поскольку данные архаические связи не были заменены новыми формами организации, способными соответствовать требованиям современных структур производства: «Более того, прежние мышление категориями родства, даже если исчезли его материальные основы, сохранило культурную силу, которая частично устояла в новом типе семьи, приспособленном к требованиям капиталистического производства. Традиция, независимо от того, является ли она добром или злом, все еще жива и по-прежнему оказывает влияние на нашу концепцию разделения семейных ролей»⁵².

В главе «Путешествия» интересен анализ миграций. Массовый выезд на уикэнд и в отпуск есть мирное вторжение громадных масс людей, их чего не следует, что оно безобидно. Оно уничтожает уже и так шаткое равновесие обществ, которые вынуждены считаться с ним, хотя они не готовы к тому, «...чтобы вынести шок монетарной экономики и вынужденные жертвовать будущим в пользу настоящего»⁵³. Приятное безделье во время отпусков, развлечения и радости жизни – это обратная сторона медали значительно более жестокой действительности экономических условий, в которых нам приходится жить.

Бродель показывает, что послевоенный расцвет европейской экономики в 1955-1975 гг. осуществили эмигранты из Италии, Африки, Испании, Португалии, Югославии, Греции и Турции. Иначе говоря, в Европе 50 лет спустя просто повторилась история великих миграций за океан – в Северную и Южную Америку. Эмигранты в стране обитания пытаются создать общую культуру как смесь щепоток религии, предрассудков, патриотизма и кулинарного искусства, а также мафии. Все это способствует развитию расизма.

Стремление к независимости везде навязало модель национального государства: «Везде дело обстоит таким образом, что нацию надо постоянно выдумывать или скорее оживлять в человеческих сердцах»⁵⁴.

Нет ничего более изменчивого, нежели история из-под знака нападения и захвата. Но в любом случае захватчики были вынуждены идти на компромисс с местными традициями, взамен за деньги уважать обычаи и верования, а в конечном счете ассимилировать локальные элиты. Примером таких постоянных конфликтов является Израиль. «Европа грабит, забирает украшения тела и духа. На протяжении веков она считает местную специфику достойной презрения и сталкивает ее в тень как хорошую для слуг, крестьян и простаков»⁵⁵.

Промежуточная ремарка

На основе проведенного обзора расставляю акценты в методологии Броделя, которых не заметил или сознательно упустил из виду историк Гуревич, а также коллеги-философы на круглом столе.

Современные сухопутные кочевники-мигранты – это аналог средиземноморских пиратов. Современное государство – это скелет арлекина. Перед судом истории обе цивилизации (Восток и Запад) виновны и осуждены на смерть. Ни одна из них не права. Но неизвестно, какая из них виновна, а какая невиновна. Изучать механизмы образования коллективной ментальной структуры чрезвычайно трудно. Ментальность – это пять архитектур (глубинные слои сознания, социальные связи, социальные группы, глобальные общества, время). Для

⁵² Там же, с.200

⁵³ Там же, с.202

⁵⁴ Там же, с.208

⁵⁵ Там же, с.244

выработки программы общего научного исследования необходима выработка базисного словаря и отказ от национальных позиций. Особо пристально надо изучать нереализованные возможности всех групп, обществ и цивилизаций. Чем больше страна, тем больше в ней барьеров для развития и тем просторнее реальная и ментальная тюрьма. Существует множество времен и потому все методы, мысли, идеи и понятия либо сомнительны, либо требуют строгой иерархизации.

При описании ментальности следует отбросить любые формы эсхатологии (идею социального движения к одному идеалу), а также понятия нормальной структуры общества, порядка и прогресса и возможности согласовать одно с другим. При этом надо учитывать идеи многослойности социальной действительности, а также социального и цивилизационного паразитизма. Предмет социологии (точнее – всей системы социальных наук) – это общество в состоянии распада и творчества. При его изучении следует отбросить понятие социальных институтов и сделать акцент на перерыв постепенности, постоянство катастроф и революций, познание инерции и старения обществ и цивилизаций.

Теперь сделаю еще одно замечание. Если судить по тексту послесловия к «Средиземному морю», Гуревич в трактовке ментальности предпочитает психоисторию. Это вытекает из множества фрагментов его текста, из которых укажу два: он хвалит Элиаса за то, что тот за вещами находит людей, а за внешними манерами – психологическое содержание; он ссылается на теорию «большого времени» и диалога культур М.Бахтина. Все это вынуждает меня опять оглянуться назад и четко сформулировать свое отношение к точкам зрения, прозвучавшим на философском «круглом столе».

Относительно квалификации ментальности как деривата русского космопсихологоса следует заметить, что концепции «нации» и «организма» не используются в школе «Анналов», тем более при анализе ментальности. Поэтому идеи русского космизма (эксплуатирующие тему органичности) непродуктивны для характеристики структур мышления как специфической тюрьмы, из которой трудно вырваться истории социальных событий, конъюнктур и структур. Как было показано, историки школы «Анналов» ориентируются на изучение инерции и старения цивилизаций, а современность рассматривают как старение цивилизации. Одновременно они проводят различие между временем философа, историка и социолога, подчеркивают необходимость изучения нереализованных возможностей каждой цивилизации, формулируют идею социального и политического паразитизма, отбрасывают идею Конта о связи между порядком и прогресса и фиксируют особую роль трех революций (промышленной, политической и научной) в истории современности. Причем, революция в сфере социальных наук еще не начиналась, поскольку представители социальных наук (вслед за экономистами) привыкли спешить на службу правительствам, пользуясь при этом двойным языком. Все эти аспекты упущены в концепции национального космопсихологоса.

Относительно философско-исторической линии рассуждения тоже можно высказать общие возражения и частные замечания. Модернизации в России не была связана с ускорением социального развития, а имела своей целью укрепление монархической и большевистской власти⁵⁶. Нет смысла приписывать особую роль русской интеллигенции, поскольку для европейских интеллектуалов характерны аналогичные модели взаимосвязи с деньгами и властью. Проблема специфики русской интеллигенции приобретет конкретность, если к ее изучению применить критерии, разработанные П.Джонсоном. Речь идет о комплексе характерных для данного слоя отношений к семье (родителям, женщинам, детям), деньгам, государству, насилию и истине⁵⁷. Мне неизвестны исследования, в которых была бы реализована эта программа анализа русской интеллигенции.

Мне уже приходилось говорить И.К.Пантину, что его подход снимает различие между реформами и произволом власти, а маятник реформ и контрреформ, революций и контрреволюций можно обнаружить и в истории других европейских стран. Определение ментальности как исторического опыта и кода снимает различие между ментальностью и культурой. К тому же остается неясным, почему из опыта исключаются элементы забвения, которое не менее сильно влияет на исторический код памяти⁵⁸. Тезис о том, что россияне жертвовали личными правами ради государства означает перенос западных либеральных концепций на анализ истории России. Однако западная концепция власти как иерархии властных позиций неприменима к истории России, поскольку власть здесь всегда была переплетена с собственностью, и в этом смысле русское государство не отставало, а опередило политические системы Европы⁵⁹. Эффект такого опережения принадлежит к числу показательных примеров для подтверждения теории неожиданных последствий⁶⁰. А если прошлый опыт не может быть основанием для суждения о будущих событиях, то не следует ли сделать русские попытки революций снизу основанием для изучения одной из нереализованных возможностей российской ойкумены? Эта линия рассуждения постепенно пробивает себе дорогу⁶¹.

Вообще говоря, общая проблема кризиса государственности (существенная для развития идеи Броделя о государстве как «скелете арлекина») выпала из поля зрения участников дискуссии. Если судить по российским публикациям, то этот кризис включает:

1. Конфликты, связанные с универсализацией западной модели «государства-нации». Данная модель неработоспособна для модернизации развиваю-

⁵⁶ См.: Власть и реформы: от самодержавной к советской России. СПб, 1996

⁵⁷ См.: Jonson P. Intelektualisci. Warszawa, 1997

⁵⁸ См.: Рикер П.

⁵⁹ См.: Макаренко В.П. Русская власть: теоретико-социологические проблемы. Ростов-на-Дону, Изд. СКНЦ ВШ, 1998

⁶⁰ См.: Хиршман А. Рыночное общество: противоположные подходы // Социологические исследования; Макаренко В.П. Проблема общего зла: расплата за непоследовательность. М., Вузовская наука, 2000

⁶¹ См.: Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. 1918-1921. Документы и материалы. М., РОССПЭН, 2006

щихся обществ. Здесь она столкнулась с контртенденциями в сторону автократии или с незападными культурно-историческими традициями. Этот конфликт подорвал европоцентристские теоретические схемы, в которых постулировалась идея «государства-нации» как основного агента развития.

2. Конфликты, связанные с тенденцией к созданию самодовлеющего государства. Кризис модели отношения «государство-гражданское общество» выразился в создании таких форм, в которых нет места ни государству, ни обществу. В крайнем варианте эта тенденция породила уникальную государственность советской тотальной общности. Однако появление близких к ней форм (от «государства благоденствия» до исламской теократии) свидетельствует о всеобщности такого рода государственности.

3. Советское государство породило столько конфликтов, что перестало быть не только институтом развития, но и институтом выживания⁶².

Я думаю, анализ процессов развертывания данных конфликтов в истории и современной России продуктивнее существующих в ней «романтических» и «реалистических» схем анализа.

Приведу пример. Как известно, «западники» и «славянофилы», критики и апологеты России/СССР считали русскую интеллигенцию сословной и конструировали конфликт между бюрократией и интеллигенцией. Однако принцип сословности не является критерием генезиса русской интеллигенции. Значительно раньше он начал применяться для рекрутирования русской бюрократии. Уже в середине XVIII в. она на 4/5 состояла из выходцев непривлекательных сословий, а в начале XIX в. начала воспроизводить самое себя. В чиновники обычно шли дети попов, приказной сволочи и податного сословия. Главный мотив при поступлении на государственную службу состоял в том, что она освобождала от уплаты налогов, военной повинности и давала возможность перехода в дворянское сословие. В этом смысле никого конфликта между бюрократией и интеллигенцией не было, поскольку бюрократия и интеллигенция имеют один и тот же социальный источник и мотив поведения. Мотив выбиться в люди за счет принадлежности к начальству имеет давнюю историю. Именно с этого времени начинается «буря в стакане воды», пионером которой был Н.В. Гоголь со своим высочайше разрешенным к постановке «Ревизором»⁶³. Этот аспект тоже был упущен из виду участниками дискуссии.

Все перечисленные замечания и возражения относятся и к попыткам связать анализ российской ментальности с процессами модернизации. В частности, неправомерно сводить традицию к воспроизводству накопленного опыта, поскольку традиция включает три механизма: передачу опыта и знаний; давление прошлого на настоящее; оценку прошлого современным поколением;⁶⁴ неправомерно отождествлять стихийный традиционализм, классический консерватизм и современный консерватизм, поскольку в русской культуре практически не существовало конфликта между элитой и массой в сфере стереотипов политического мышления⁶⁵; неправомерно усматривать в евразийстве специфику

⁶² См.: Чешков М. Государственность как атрибут цивилизации: кризис, угасание, возрождение? // Мировая экономика и международные отношения. 1993, № 1

⁶³ См.: Писарькова Л.Ф. От Петра 1 до Николая 1: политика правительства в области формирования бюрократии // Отечественная история. 1996, № 4

⁶⁴ См.: Шацкий Ю. Утопия и традиция. М.: Прогресс, 1990

⁶⁵ См.: Куприянов А.И. Указ.соч., с.89

российской цивилизации, поскольку евразийство возникло в Германии, а процесс появления евроазиатов шел параллельно с процессом появления евроамериканцев и евроафриканцев как гибридных групп, что способствовало появлению одних и тех же по своим историческим и теоретическим источникам концепций⁶⁶; кроме того, различие между официальной и народной культурой существовало издавна во всей Европе, а не только в России; аргумент от «многоукладности» России является воспроизводством позиции Ленина и маскирует вмешательство русского государства во всех сферы социальной жизни; дилемма рационального объяснения и понимающего описания опровергнута в современном вебероведении; «экзистенциальная напряженность» характерна не только для России, но и для других культур, пытающихся создать идеологии для мотивировки политических действий⁶⁷.

Наконец, в отношении теорий модернизации можно выдвинуть общее принципиальное возражение. Все они стоят перед необходимостью дать такую классификацию обществ, социальных систем и цивилизаций, которая бы удовлетворяла строгим критериям и не вызывала сомнений. Такой классификации не существует. Социальные науки обычно пренебрегают этой проблемой и уже длительное время ставят во главу угла не стадию или состояние социума, а процесс развития. На этой почве и возникли разные варианты теории модернизации. Их суть – описание и рецепты преодоления экономической, социальной, технологической, политической, управленческой, инфраструктурной и тому подобной «отсталости». Однако в широком смысле слова субъектом и объектом модернизации можно представить весь мир и любую его составную часть – цивилизацию, общество, государство, регион, отрасль хозяйства и т.д. Значит, сфера произвола становится беспредельной. Все это на руку политикам, идеологам и прочим стрекулистам.

Следующая процедура – количественное изображение постулированных субъектов и объектов. Оно предполагает некий «эталон» развития, без которого «догоняющие» процессы носили бы хаотический характер, не поддающийся теоретическому осмыслению. Таким «эталоном» в Новое время по определению может быть только Западная Европа (с XIX в – вместе с Северной Америкой) и возникшая в ней линейная концепция прогресса. Она допускает и регрессивную интерпретацию и выполняет роль главного идеологического ядра всех теорий модернизации. В соответствии с этой посылкой модернизационные процессы обычно отождествляются с вестернизацией.

Между тем в истории европейской мысли линейная модель развития не является единственной. Наряду с нею существует «точечная» модель, модели «круговорота», «спирали», «хаотического порядка»⁶⁸. Однако мне неизвестна (здесь я расписываюсь в собственном невежестве, но лучше пусть меня попра-

⁶⁶ См.: Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Евразийский искус // Мир России – Евразия. М., 1995, с.5-20; Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М., 2001

⁶⁷ См.: Гирц К. Идеология как культурная система // Новое литературное обозрение. 1998, № 1

⁶⁸ См.: Пригожин И., Стенгерс И. Порядок и хаос. М., 1986

вят, чем молчать) такая теория модернизации, которая бы использовала эти модели при описании всемирной истории, истории цивилизаций, отдельных стран, регионов, отраслей хозяйства и т.п. В этом случае социальные и исторические процессы должны одновременно изображаться как: неизменные; изменяющиеся в пределах замкнутой кривой и повторяющиеся во времени; уникальные и неповторимые; повторяющиеся с определенной регулярностью на основании подобия, но не идентичности; и наконец как не поддающиеся строгому определению и описанию, в силу чего любая картина социальных событий, структур и конъюнктур всегда будет в большей или меньшей степени ложной и субъективной. Косвенным доказательством может служить появление в 1960-1970-е гг. множества теорий модернизации (универсалистских, отсталости, зависимого и догоняющего развития, контрмодернизации, сверхмодернизации и т.п.), которые невозможно согласовать между собой. К сожалению, эти проблемы не получили освещения при обсуждении менталитета⁶⁹.

Фон европейских исследований и проблема эвристического потенциала

Но указанные проблемы не решены и в европейской науке, хотя исследование ментальности там имеет более длительную традицию. Остановлюсь на некоторых проблемах⁷⁰.

Европейские ученые не приравнивают менталитет к идеологии, теории и психологии. Менталитет – это неясные и невербализованные установки и структуры сознания, которые включает в себя представления о человеке, его месте в природе и обществе, его понимание природы и Бога как творца всего сущего. Все они не подвергаются логической систематизации, связаны не столько с сознанием, сколько с подсознанием, регулирующим поведение (а не мышление) человека. При помощи мышления и сознания человек познает мир, а менталитет – это его восприятие и истолкование. При познании мира человек создает систему логических категорий. При создании «модели мира» человек использует неотрефлексированные впечатления, представления и образы. Это и есть менталитет.

Европейская наука стремится связать менталитет с верой, а не с познанием. Вера – важнейший элемент менталитета и всегда присутствует в сознании. Одновременно в состав менталитета входят априорные формы восприятия мира (трансцендентальная эстетика Канта). Тем самым менталитет становится исходным постулатом и выражением изначальных, доопытных принципов восприятия (пространство и время, Я). Не менее значимый момент европейских исследований – отрицание системного характера менталитета и определение его как

⁶⁹ См.: Россия и Запад: взаимодействие культур // Вопросы философии. 1992, № 6; Российская модернизация: проблемы и перспективы // Вопросы философии. 1993, № 7

⁷⁰ См.: Пушкарев Л.Н. Что такое менталитет? Историографические заметки // Отечественная история. 1995, № 3

многообразной «совокупности» явлений духовной жизни. Речь идет о привычках и верованиях, психологических особенностях восприятия действительности, моральных и нравственных нормах поведения.

Глобальная картина (или содержание) менталитета индивида в ту или иную эпоху включает множество тем: оценка соотношения между душой и телом (например, представление о теле как темнице души или идеал психосоматической целостности); точка зрения на юность и старость и их общественное положение (геронтократия или культ юности); отношение к сексуальности и значение любви (разделение секса, любви и супружества или романтическая любовь как смысл бытия); страхи и надежды (представления о потустороннем мире или утопии); представления о соотношении радости, страдания и счастья (атараксия или преодоление страдания с помощью успокаивающих средств); оценка и преодоление болезненности (понимание болезни как божьего наказания или как дефекта биологического организма); представление о смерти и поведение человека при умирании (умирание как цезура внутри жизни или смерть как вытеснение из мира повседневности); комплекс переживаний между индивидом, семьей и обществом (групповая солидарность или культ индивидуального гения); общественные критерии ценности (честь и стыд, консерватизм и прогрессивность); значение труда и отдыха (праздник как религиозное отправление, культ аскезы или девиз «Работа делает свободным»); структура и оценка власти (священное происхождение власти или комплекс антиавторитарных движений); отношение к войне и миру (представления о справедливых и священных войнах или отрицание насилия); формы этики и права (этика как божественное определение или сословное понимание права); эстетические представления (прекрасное и отвратительное, искусство ради искусства); религиозность (страх перед божеством, любовь к Богу или исключение гипотезы о божестве); оценка природы и окружающего мира (анималистическое восприятие природы или защита окружающей среды); космология (представления о мире как организме или машине); восприятие пространства (святость пространства, образцы передвижения в пространстве); восприятие времени (циклическая картина исторического процесса, естественность или искусственность деления времени); образцы мышления (ассоциативное мышление, разрешение проблем в ходе спора или дискуссии); регуляция повседневного поведения (правила поведения за столом, жеманность, чопорность); формы коммуникации (письменная и устная речь, язык жестов).

Все эти темы группируются вокруг важнейших компонентов менталитета: индивидуум-семья-общество; сексуальность-любовь; религиозность; тело и душа; болезни; радость-счастье-страдание; работа и праздник; возрастные особенности; умирание и смерть; страхи и надежды; общение; чужое и собственное; власть; право; природа и окружающий мир; пространство, время и история. Причем все эти компоненты рассматриваются отдельно для периодов античности, средневековья и Нового времени. В целом менталитет как историче-

скую категорию проще описать, чем определить. Исторический менталитет – это совокупность способов и содержания мышления и восприятия, характерная для определенного коллектива в определенное время. Менталитет проявляется в действиях. Менталитет – нечто большее, чем история духа, идеи, идеологии, религии, эмоций и представлений, культуры и быта и даже цивилизации.

Уже здесь можно отметить два момента:

- концепт менталитета претендует на синтез всей системы социогуманитарных знаний на основе определенной историографической концепции;
- в этом можно зафиксировать феномен агрессивности, зафиксированный науковедом в отношении любых новых концепций.

Но как избежать натурализации исходных постулатов? Л.М.Баткин отмечает самое уязвимое место этого подхода: «Люди в качестве более или менее пассивных носителей ментальности вновь рассматриваются объектно. Объектом теперь выступают матрицы сознания. А человек – вот этот человек – опять норовит ускользнуть. Мы не добираемся до мгновения его творческой, человеческой свободы»⁷¹. Видимо, эта опасность является универсальной тенденцией.

В частности, приведенное описание менталитета является попыткой выйти за пределы объяснительных форм детерминизма (вслед за М.Вебером, который пытался преодолеть односторонне спиритуалистическое и материалистическое понимание истории). В то же время сторонники ментального подхода отвергают типологический подход к истории культур и цивилизаций (он был создан для преодоления разрыва между общими закономерностями и поведением отдельных индивидов) и пользуются термином «совокупность». Это – непротиворечивая система, хотя и состоит из диалектических компонентов, которые ведут к изменению менталитета во времени. Термин «совокупность» коррелирует с понятием коллектива. А под коллективом может пониматься население континента, отдельные народы, прослойки, общества, секты, производственные объединения и пр., вплоть до отдельного человека. Сразу возникает вопрос: как отдельный человек может быть коллективом?

Для обхода этой проблемы те, кто пользуется концептом менталитета, говорят об источниках при его изучении. Такими источниками может быть все, что создано человеком, но сохранило духовную сущность своего творца. Подчеркивая связь менталитета с «психоисторией человечества», ученые понимают историю менталитета как центральный аспект всемирной истории, изучающей все проявления человеческого духа. Ученые дают анализ различных элементов менталитета, но не пытаются осуществить анализ методологических проблем концепции менталитета в контексте других методологических концепций XX века. Для этого, как минимум, надо суммировать все определения, проанализировать их и указать на встречающиеся теоретические и практические противоречия. Однако каждый исследователь употребляет это понятие в том смысле, который кажется ему наиболее удобным. Возможно, этому способ-

⁷¹ Баткин Л.М. О том, как А.Я.Гуревич возделывал свой аллод // Одиссей. 1994, с.25

ствуется использование во всех определениях термина «совокупность». Как известно, совокупность есть механический набор, сочетание, соединение, общий итог чего-либо. Она может быть большой или малой, ее можно увеличивать и уменьшать. Но от этого она не перестает быть совокупностью.

Итак, концепт менталитета связан с произвольным увеличением или сокращением размеров и набора его компонентов. Главные недостатки концепта – опасность натурализации, отбрасывание типологического подхода к истории культур и цивилизаций, неясность отличия менталитета от исторической психологии, толкование менталитета как центрального аспекта истории, невнимание к методологическим проблемам, произвол в отборе объектов исследования. Все это снижает эвристический потенциал концепта. Поэтому на вопрос: привносит ли концепт менталитета нечто новое в обсуждение традиционных проблем? – можно ответить отрицательно. В социогуманитарных науках России проблема менталитета рассматривается в русле традиционных идеологических схем. Они не позволяют произвести строгий отбор познавательных проблем, определяющих специфику предмета исследования.

Самый распространенный недостаток литературы – отождествление ментальности с национальным характером или психикой русского человека. Для критики этой тенденции необходима разработка концепций, которые отбрасывают этнические и политические характеристики общества и нации и делают упор на социологических и антропологических параметрах истории и социальной жизни людей. Рассмотрим здесь только одно предложение, восходящее к тексту самого Фернана Броделя.

Феномен войны

Для дальнейшей аргументации моего несогласия с А.Я.Гуревичем начну с частного, но крайне важного момента. А.Я.Гуревич пишет: «Формы ведения войн занимают автора (Броделя, В.М), пожалуй, в большей мере, нежели характеристика цивилизации»⁷². Здесь явное недоразумение. Еще в 1963 г. Бродель издал учебник по теме цивилизаций, который, слава Богу, почти полста лет спустя (!) тоже переведен на русский язык⁷³. Как шутил Тевье-молочник, «И Гапка люди, и Юхим человек»... Сегодня каждый русскоязычный может прочесть эту книгу. Убедиться, что теория цивилизаций Броделя является достаточно дифференцированной. И не заслуживает того мнения, которое высказывает Гуревич. К тому же в своих мемуарах Гуревич сообщает, что трудами Фернана Броделя он интересуется с 1960-х гг. Вряд ли факт выхода французского издания учебника Броделя был ему неизвестен.

Думаю, суть проблемы в следующем: правомерно ли противопоставлять формы ведения войн и характеристику цивилизаций, как делает А.Я.Гуревич?

⁷² Гуревич А.Я. Указ.соч., с.513

⁷³ См.: Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. М., Весь мир, 2008

Для ответа систематизирую материал под определенным углом зрения, акцентируя как раз те моменты теории Фернана Броделя, которые (опять-таки по неясной причине) упустил из виду А.Я.Гуревич в своей интерпретации трудов великого французского историка.

Ф.Бродель рассматривает войну как элемент тотальной истории или глобальной социальной системы (далее ГСС). Война наследует свойства всех социальных подсистем и обладает общими свойствами ГСС. Поэтому концепция войны Броделя отражает суть его историографической концепции. Один из творцов Новой исторической науки занимается разрушением традиционного историографического образа войны.

Для доказательства этого тезиса я рассмотрю несколько связанных тем (хотя при этом придется повторяться):

- суть историографической концепции Ф.Броделя;
- ее связь с концепцией вездесущности насилия;
- сравнение традиционной и новой историографии по ряду параметров (квалификация войны как элемента социальной системы, формы насилия, цивилизационной активности и обмена).

Это позволит рассмотреть войну как имманентное и до сих пор не элиминированное свойство истории.

Ф.Бродель игнорирует традиционные морально-философские и политические рассуждения о природе, источниках и следствиях войны для человечества. Но это не значит, что его мировидение противостоит всем традициям постановки и решения данных вопросов. Проблему природы войны Бродель оставляет для полемологии: «Полемология как наука, если это наука вообще, находится еще в пленках. Она должна отвлечься от рассмотрения событий и вникнуть в закономерности, связи, смену продолжительных ритмов. К этому мы пока не готовы»⁷⁴. Иначе говоря, Броделя можно представить как одного из пионеров полемологии. Но по сути он высказывается как историк (а не как философ), показывая имманентность насилия в социальной жизни. Его концепция войны – предпосылка для обсуждения принципиальных философских вопросов, констатаций, выводов и доказательств.

В Предисловии к первому изданию «Средиземноморья» Бродель отмечает, что определение рамок исследования тотчас влечет за собой проблему выбора определенной философии истории. Традиционная история – самая коварная, поскольку отражает человеческие страсти, мечтания и иллюзии. Вместо анализа величавой и медленной истории традиционная история занята «пылью повседневности» – поступками и деяниями государей и толстосумов. Тогда как история дипломатии занята описанием решений Мудрого Монарха и других государственных мужей и потому маловосприимчива к выводам географии, социальных наук и достижений цивилизации⁷⁵.

⁷⁴ Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморской мир в эпоху Филиппа 11. Часть 2. Коллективные судьбы и универсальные сдвиги. М., Языки славянской культуры, 2003, с.707

⁷⁵ Бродель Ф. Указ.соч. Часть 1. Роль среды. М., Языки славянской культуры, 2002, с.16-21

Бродель разделяет историю на географический, социальный и индивидуальный уровни. Геоистория – это «почти неподвижная история» человека в его взаимоотношениях с окружающей средой. Эта история течет медленно, мало подвержена изменениям, зачастую сводится к непрерывным повторам и беспрестанно воспроизводящимся циклам. Поверх неподвижной истории располагается социальная история (или история структур), которая включает историю хозяйства и государств, отдельных обществ и цивилизаций. Наиболее важный пункт теории войны Ф.Броделя – она в свернутом виде содержит основные послышки геоистории и социальной истории: «...в заключение, – пишет Бродель, – я пытаюсь показать, для иллюстрации своего понимания истории, сложную работу этих глубинных сил на войну. Ибо война, как известно, не является стихией исключительно индивидуальных поступков»⁷⁶. Стало быть, теория войны венчает историографическую концепцию Броделя.

Броделевская концепция *глобальной социальной системы (ГСС)* вплетена в его творчество. Для ее реконструкция надо не столько подчиниться очарованию концепции Броделя, сколько проверить ее на основе всего потока исторического материала и массы конкретно-исторических исследований. Разумеется, я не в силах выполнить эту задачу. Но полагаю, что лишь в контексте ее осознания возможны краткие формулы, характеризующие ядро теоретического видения мира вместе с его историческим содержанием. Во всяком случае Бродель понимает историю по образцу ГСС. Почему же она является глобальной?

Потому, что геоистория влияет на социальную историю. «Жизнь общества подчиняется велениям среды, но одновременно обходит их, освобождается, чтобы попасть в другие сети, более заметные для нас, историков»⁷⁷. Для описания влияния среды на историю Бродель анализирует следующие факторы: горы, равнины, плоскогорья; моря и побережья; границы; климат и история; социальная целостность (дороги и города, города и дороги).

На войну влияют природные циклы и колебания погоды. Приход плохой погоды приостанавливает крупные военные действия на море и на суше. Зима – время переговоров, дипломатических встреч, мирных намерений. Летом события протекают вдалеке, подчиняясь собственной логике и не всегда поддаваясь контролю со стороны держав.

Средиземноморское целое заключено в движении-пространстве дорог и городов, которые образуют силовые точки и линии. Изучение роли дорог составляет подоплеку всякой целостной истории. Проблема перевозок есть одновременно проблема структур и конъюнктур. Существуют следующие типы городов: города чиновников (столицы); торговые города; города – центры ремесленных производств; аграрные города; города церковников; военные города.

Европейские города отличаются от восточных. Западные города выражают рост экономики и увеличивают пространство свободы, однако «Поговорка «Го-

⁷⁶ Часть 1, с.20

⁷⁷ Часть 1, с.365

родской воздух делает свободным» не означает, что он делает также счастливым и сытым»⁷⁸. На востоке города объединяют внутри своих стен огромные массы людей, не вовлекая их в общее движение. Эти города выражают перенаселенность Азии, а не ее экономическую организацию.

Конфликт между государством и городом существует всегда, но значение политических конфликтов не следует преувеличивать: «Государство устанавливает свои порядки, но города продолжают жить той же размеренной жизнью, которую они вели до кризиса, и сохраняют свое значение»⁷⁹. Территориальные государства и империи присоединяли к себе все, что попало под руку. Территориальное государство – это дьявол. «Городской капитал был паразитическим, потому что не только служил государству, но и жил за счет денег и средств, сконцентрированных в руках власти»⁸⁰. Однако территориальные государства и империи обычно оказывались неспособными использовать приобретенные ими богатейшие экономические ресурсы. Это бессилие оставляло лазейку для городов и купцов. Именно они наживали огромные состояния, оставаясь в тени новых властей.

Главная характеристика столиц и крупных городов – паразитизм. С одной стороны, столицы и крупные города – это инструменты умственного и политического развития, поскольку: они всегда были рассадниками цивилизации; от них исходит порядок; города, сформировавшиеся под знаком национального или имперского единства, поддерживают это единство. С другой стороны, столицы и крупные города не могут стать городами-тружениками. Например: «В ХУШ веке Рим продолжает вести праздный образ жизни и увеличивать численность своего населения, не имея, в сущности, никаких на то оснований, что, впрочем, отнюдь не заставляет его заняться неблагодарным производительным трудом»⁸¹. Другие мировые столицы (Лондон, Париж, Стамбул) обычно порождают всевозможные экономические несообразности и позволяют делать траты, не считаясь с собственными средствами. «Столица пользуется привилегией богачей, на нее работают другие»⁸².

Самое важное то, что классовая борьба имеет медицинское и урбанистическое измерение. Чума вспыхивала обычно в городах и была структурной составляющей целых столетий. Действующие армии – это передвижные города, еще более уязвимые для болезней. Корни упорной классовой ненависти состояли в том, что богатые убегали из городов, а бедные оставались в зараженных городах, которые оказывались в осаде, под подозрением, зато щедро снабжались во избежание больших волнений. Эпидемии внесли свой вклад в неста-

⁷⁸ Часть 1, с.471

⁷⁹ Часть 1, с.461

⁸⁰ Часть 1, с.469

⁸¹ Часть 1, с.470

⁸² Часть 1, с.476

бильность городской жизни, характеризующейся социальным истреблением, которое прекратилось только в ХУШ в.⁸³

1. Потому что все условия человеческих действий, сами действия и их результаты протекают в рамках социального целого. Действительность социальна, поскольку ее атомом является человеческая активность.

2. Потому что она образует сумму всех форм, типов и видов активности человека. Люди включены в различные виды социальных подсистем (торговля, производство, наука, военное дело и пр.), типы их внутренних связей, связей с другими подсистемами, а также с системой в целом (регионы мира, культурные общности, виды экономической деятельности, социальные, профессиональные и конфессиональные группы, города, государства, цивилизации, войны, острова, моря, события и т.д.).

Система состоит из видов, форм и типов человеческих действий, конституирующих ее подсистемы или процессы. Они обладают длительностью во времени и пространстве, то есть занимают определенное социальное движение-пространство. В этом множестве Бродель выделяет три уровня: почти неподвижные процессы-структуры (длительная временная протяженность), более подвижные процессы-структуры среднего уровня (конъюнктуры); краткосрочные события. Эти подсистемы связаны в функциональные зависимости. Они «отвечают» на исторические потребности других подсистем и выполняют определенную роль в рамках ГСС.

Главное свойство ГСС – идентичность. Она есть результат протекающих в рамках целого процессов, прошлых и нынешних действий, иерархически и функционально связанных подсистем. Идентичность – это то, на основании чего мир Средиземного моря есть особый морской мир в средние века и сегодня.

Как движется система? В каждой конкретной точке времени-пространства существует унаследованный уровень (состояние) исторического развития. Он определяет рамки возможных форм бытия общества, вид, формы и типы действий, которые может совершить человек, характер диалога с природной и социальной средой, сферу возможного и мыслимого контакта с миром. ГСС устанавливает отношение возможности-невозможности, является ее генезисом и идентичностью. Диалог человека со средой влияет на передвижку границ в этом отношении и определяет движение идентичности системы, то-есть историческое движение. За исключением мировой системы остальные ГСС открыты – т.е. связаны с другими. Эти связи формируют глобальную целостность, влияют на ее функционирование и сообща творят ее идентичность.

Прокомментирую эти характеристики.

Концепт человека. Человек есть творец окружающей действительности благодаря активности. Он заполняет действиями социальное пространство и создает в нем движение. Вследствие деятельности исторически эволюционируют

⁸³ Часть 1, с.453-456

человеческие возможности-невозможности, возникают цивилизации, империи, города, дороги, войны и мирное существование. Человек вписан в социальное пространство на основе действий или просто жизни. После прихода в мир человек обнаруживает большее или меньшее число форм активности. Поэтому сфера его свободы определяется социальным пространством. Процессы длительной временной протяженности (структуры действительности) являются фундаментальными элементами. Они определяют сферу возможного и невозможного действия и мысли. Изменчивость структур наблюдать трудно. Поэтому они воспринимаются людьми и социальными группами как действительные, естественные и очевидные устойчивости и неизменности мира. Человек также вплетен в социальное пространство посредством менее устойчивых конъюнктур. Они заполняют социальное пространство «живым движением». Участник такого движения творит и преобразует то, что устойчиво, меняет структурный облик своей среды.

Коллективная судьба человека «вписана» в историю социальных, культурных и конфессиональных классов и групп, городов, государств, цивилизаций, империй. Общества преобразуются крайне медленно. Поэтому в конечном счете ответственность за преобразование социальных групп падает на конъюнктуры. Они определяют место групп в социальной системе. Ослабленный ритм экономической жизни и относительный регресс вызывает поляризацию на богатых и бедных. Хорошая конъюнктура благоприятствует социальной активности и мобильности, перетеканию между группами и классами. Господствующее положение занимает тот, кто обладает средствами производства, землей, флотом, кораблями, сырьем, готовыми товарами. Поэтому «вплоть до ХУШ века экономическое развитие на любом временном отрезке шло за счет «социального уничтожения» вопреки интересам растущих масс населения»⁸⁴.

Человек находится в кандалах своего социального окружения. На протяжении всей истории люди существуют во множестве казематов – климата, флоры и фауны, земледелия, медленно возникающего равновесия, нарушение которого может привести к краху всего социального здания. Но государственные мужи (типа Филиппа 11 или дон Хуана Австрийского) тоже сидят в тюрьме: «Свободе каждого из них можно уподобить свободе человека, оказавшегося на маленьком островке или в тюрьме... Отрицаем ли мы значение индивида в истории, констатируя узость рамок его свободы? Я так не думаю, – пишет Бродель. – Я прихожу к парадоксальному выводу о том, что великим является тот человек действия, который отдает себе точный отчет в ограниченности своих возможностей, не пытается выйти за их пределы и использует силу неотвратимого, соединяя ее со своей собственной силой. Всякое усилие, направленное против глубинного течения истории – которое на поверхности далеко не всегда заметно, – заранее обречено на неудачу»⁸⁵.

⁸⁴ Там же, с.795

⁸⁵ Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморской мир в эпоху Филиппа 11. Часть 3. События. Политика. Люди. М., Языки славянской культуры, с.429-430

Иначе говоря, история и социальные процессы – результат деятельности человека, но не следствие их сознательного формирования. Они возникают вследствие переплетения между собой социально обусловленных действий, которые ведут к устойчивым, структурным и конъюнктурным преобразованиям социальной системы. Любые действия человека определяются историческими барьерами возможности. В противном случае их значение и следствия нивелируются железными социальными законами, навязанными структурными и конъюнктурными процессами. «Проблема не сводится к отрицанию индивидуального на основании того, что над ним господствует случай, но на преодолении его, отделению индивидуального от сил, от него отличных, на противодействии истории, произвольно сведенной к роли определяющих ее течение героев. Мы не верим в культ этих полубогов, или, проще говоря, выступаем против наглых и односторонних слов Трейчке: «Люди творят историю». Нет, история творит людей и формирует их судьбу – история анонимная, глубинная и часто молчаливая»⁸⁶.

Итак, ГСС обладает свойствами самодвижения, иерархической и функциональной организации, открытости и нетелеологичности. В эту социальную систему вписаны войны. Они являются имманентным свойством ГСС, подобны остальным ее элементам, подчинены таким же движениям и связаны определенными зависимостями.

Война как форма насилия выражает определяющее свойство ГСС и включает множество форм: военные конфронтации империй, цивилизаций, государств, городов, человеческих групп; массовые формы индивидуального насилия (грабеж, разбой, бандитизм, мятежи, пиратство, корсарство, крестовые походы, джихад и пр.). Они являются одновременно организованными и спонтанными, дорогими и дешевыми, ведутся по разным поводам и целям. Все эти формы войны являются видами насилия. Насилие существует в разных сферах деятельности человека и элементах социальной системы. Поэтому война – постоянный элемент существования общества.

В жизни всех обществ постоянно присутствует феномен насилия. Так называемый мирный период не свободен от насилия, а тем самым не свободен от войны (в широком смысле слова). «На всем средиземноморском пространстве шла охота на людей, которых захватывали, продавали, терзали; им доводилось испытать все ужасы, несчастья и мученичество, сопряженные с пребыванием в этих «мирах концентрационных лагерей»... «В той мере, в какой Средиземное море в целом было зоной непрерывных братоубийственных конфликтов между родственными цивилизациями, война стала постоянной чертой его бытия, и она оправдывает и извиняет морской разбой»... «Пиратство не было привилегией одного берега, одной группы, одного человека, ответственного или виновного в нем. Оно было повсеместно распространено. Сильные мира и отверженные, бо-

⁸⁶ Braudel F. Historia I trwanie. Warszawa, 1971, с.28

гатые и бедные, города, сеньоры и правительства втянуты в деятельность сети, раскинутой по всему морю»⁸⁷.

То же самое относится к таким проявлениям войны, как сторожевые башни и крепости. На пограничье шла непрерывная война, а на морских и сухопутных дорогах господствовал разбой. Менялась только их напряженность в пространстве и времени. «Полицейская хроника городской жизни, – сравнивает Бродель, – бледнеет на фоне кровопролитной истории средиземноморского разбойничества, как две капли воды похожего на морское пиратство. Эти два вида разбоя сопровождают жизнь Средиземноморья с давних времени, их происхождение теряется в глубине веков»⁸⁸.

Насилие – это привычка, превратившаяся в обычай и наоборот: «Беспорядки продолжают ежедневно, ежегодно, на них обращают не больше внимания, чем на дорожные происшествия, и их участники, и пострадавшие, и свидетели, и репортеры, и само государство»⁸⁹. На всем пространстве изучаемого социального мира насилие выступало его постоянным свойством. Его проявления определяются Броделем как «войны нищих», «дешевые войны», «социальные войны», «ежедневные войны», «партизанские войны». Они претендуют на статус природных и освященных традицией явлений, ведутся по привычке в соответствии с определенными правилами.

Первичные и вторичные войны. «Однако эти привычные и бросающиеся в глаза образы, – пишет Бродель, – не исчерпывают проблему средиземноморской войны во всей ее целостности. Большой войны – пожалуй. Но как только она останавливает свой ход, на передний край выходят второстепенные формы – морской и сухопутный разбой, которые, разумеется, существовали и до этого, но теперь распространяются вширь и заполняют пустоты, как мелкая поросль в виде кустов и перелесков сменяет поваленный лес. Поэтому следует говорить о разных «уровнях» войны, сопоставляя которые историки и социологи могут продвинуться в их понимании. Для нас важная диалектика взаимоотношений этих форм»⁹⁰. Сравнение первичных и вторичных войн базируется на квалификации обоих как форм насилия. Это облегчает задачу компенсации одной формы войны другой формой.

Война как форма цивилизационной активности. Указанный контекст особенно важен. Источником постоянной войны на пространстве Средиземного моря являются различия напряженности конфликта между двумя доминирующими цивилизациями – исламом и христианством. Они приговорены к коллективной судьбе, поскольку «вынуждены» образовать общую цивилизацию в форме морской цивилизации. Поэтому устанавливается подвижное равновесие в бассейне и вокруг Средиземного моря. Но даже равновесие реализуется посредством разных форм войны. «Великое противостояние цивилизаций на сре-

⁸⁷ Бродель Ф. Средиземное море... . Часть 2, с.745, 744, 745

⁸⁸ Там же, с.557-558

⁸⁹ Там же, с.547

⁹⁰ Там же, с.710

диземноморском пространстве выразилось главным образом в «Восточном вопросе», в извечной борьбе между Востоком и Западом, которая возобновлялась по мере того, как преимущество оказывалось на новой стороне. Баланс сил все время менялся, и в соответствии с ним изменялось направление основных культурных потоков, которые текли от более удачливого партнера к менее удачливому, с Востока на Запад или с Запада на Восток»⁹¹.

О каком балансе сил идет речь? «Если ислам ищет контакта, и при случае даже таких крайних его форм, как конфликты, то это означает, что он, в противоположность христианству, желает продолжать диалог, в том числе и навязывая его, потому что ему нужно овладеть техническими достижениями превосходящего его противника, иначе путь к могуществу будет закрыт и ислам не сможет сыграть по отношению к Азии ту же роль, которую христианский мир играл по отношению к нему самому»⁹².

Братоубийственные цивилизации не могли существовать без обмена. При этом более сильные, технически развитые и богатые цивилизации давали, дарили и жертвовали, а беднейшие брали и заимствовали. На всех границах шло такое перетекание в одну или другую сторону. Во второй половине XV в. главенство переходило к Западу, а Восток двигался к обмену. В конце XV в. турецкий корабль «... дал сильную течь. До тех пор снабжать его необходимыми благами, людьми, технологией и произведенными с ее помощью товарами удавалось благодаря войнам, которые позволяли урвать жирные куски с христианского стола то на море, то на суше, то в приграничной полосе между Россией, Польшей и Венгрией»⁹³. Но в конечном счете распространялось все – арабские цифры, порох, компас, бумага, шелк, печать.

Наиболее показательный пример обмена цивилизационными новинками – желание приобретать не столько вещи, сколько людей. Туркам была необходима квалифицированная рабочая сила – от ремесленников до артиллеристов и хирургов. Поэтому в средиземноморской цивилизации шло постоянное колебание баланса сил (равновесия). Она состояла из двух субцивилизаций. С этой точки зрения суть войны – возвращение равновесия между ними.

В рамках макроцивилизаций Востока и Запада происходят войны-обмены, равновесие неравновесия. В микроцивилизациях (Испания, евреи, мориски, Болгария) эти процессы проявляются в форме сухопутного и морского разбоя и пр. Такой специфический компенсаторный обмен корригирует мирную циркуляцию с целью насильственного возвращения равновесия в данной социальной системе. Направленный против господ крестьянский бандитизм следует трактовать как насилие. Оно вызвано неравномерностью, которая в крестьянской системе ценностей ощущается как несправедливость раздела благ. Отсюда вытекает распространенная положительная обыденная оценка и художественная

⁹¹ Там же, с.638-639

⁹² Там же, 742

⁹³ Там же, с.643

санкция народного бандитизма. Она выражается в легендах и песнях о разбойниках (вспомнить песни и возможно Махно в России).

Война была формой принудительного обмена на всем средиземноморском пространстве⁹⁴. Хотя Бродель высказывал эту оценку в отношении корсарства, ее можно отнести к любым формам войны. Приведу аргументы.

1. Пиратство (корсарство) как форма войны заменяет традиционную войну. Оно усиливается в «мирные» времена, компенсируя вызванные завершением войны недостатки обмена. Пиратство как принудительный обмен происходит часто «внутри» воюющей стороны, а не только против прежнего противника. Поэтому различия между пиратством и традиционной войной несущественны.

2. Товары и люди с помощью войны являются предметом потребления и направленного оборота, не соответствующего течению нормального (мирного) обмена. В последнем случае мы имеем дело с возвратом равновесия в мире обмена людей и товаров. Эта постоянная форма социальной активности была принципом существования социальных групп жителей портовых городов. Например, в Алжире «Все зависит ... от объема и результативности операций корсаров, в том числе и пропитание последнего погонщика мулов в городе, чистота улиц, за которой следят многочисленные рабы, а тем более количество новых построек, дорогостоящих мечетей, богатых вилл»⁹⁵.

3. Самый фундаментальный аргумент звучит так: «Главным ... остается та прямо пропорциональная зависимость между пиратством и активностью средиземноморской жизни, я настаиваю на этом: они испытывают общие подъемы и общие спады. Если пиратство не оказывает существенного влияния на ход мирной торговли, это может объясняться снижением прибыльности этого занятия, вызванным, в свою очередь, общим средиземноморским упадком»⁹⁶. «Не было бы торговых кораблей, не было бы и корсаров»⁹⁷.

Стало быть, формы и фазы войны компенсируют мирные и немирные фазы и формы обмена. Но они вынуждены использовать ее исторически допустимым способом, чтобы не ставить под угрозу свое существование.

Войны как элемент глобальной социальной системы. Проведенный анализ показывает, как формы войны вписываются в социальную систему, как война с нею связана, какие выполняет в ней функции, какое значение имеет для функционирования целого. Войны как «пыль повседневности» сосуществуют с другими формами активности человека. Экономика, финансы, деньги всегда ангажированы в проведение войны. Инфраструктура войны всегда базируется на громадных расходах (пример Венеции). Постоянные войны требуют постоянных расходов. Небольшие военные бюджеты иницируют определенную тактику (строительство сторожевых башен и крепостей, заселение приграничных мест для защиты, содержание гонцов и целых сетей разведывательных служб и

⁹⁴ См.: там же, с.764

⁹⁵ Там же, с.764

⁹⁶ Там же, с.769

⁹⁷ Там же, с.764

т.п.). Все это определяет отношение между военными издержками и доходами государей. Устанавливает различия между воюющими сторонами, роль тактики, значение техники и их связь с материальными конъюнктурами: «Истощая эти доходы, война оказывает влияние на все сферы человеческой деятельности. При этом, постоянно совершенствуясь и изобретая все новые орудия, она не знает удержу и выходит из всяких границ, загоняя тем самым себя в тупик. Хронический недостаток средств, бесконечные задержки жалования солдатам, нехватка вооружений – все эти трудности, вечно угрожающие правителям и неотвратимые, как ненастная погода, рано или поздно приводят к миру»⁹⁸.

Война связана со всеми ритмами социальной системы. Движение и развитие ее форм следует за преобразованиями социальных структур, которые определяют движение постоянных форм насилия. Медленные преобразования материальной жизни ведут к изменениям первичных и вторичных войн. Темп и сфера ведения войн в Новое время соответствуют социальной активности и темпу жизни. Перемещение войск занимало много времени. Информация всегда запаздывала, а снабжение было никудышным. Погода прерывала конфликты, зима способствовала перемириям и миру. Ритм погоды способствовал или мешал войнам государств и империй, разбою и мятежам. Постоянство среды – это условие постоянных свойств войны.

Особую важность имеет связь войн и материальных конъюктур. Общая судьба цивилизаций Средиземноморья – это история упадка этого региона. Он потерял роль центра мира по причине замедления материального развития и социального благосостояния. Вперед выдвинулась Северная Европа и Атлантика. После этого великая война расположилась на Севере. Передвижка центра мира передвинула также главные войны вне сферы Средиземного моря. Теперь в этом регионе полыхали бесконечные периферийные и дегенерированные формы войны. Средиземное море стало периферией мира.

Внутренние и внешние войны. Крестовые походы и джихад. Эту проблему Бродель изучает с особой проницательностью. Корреляция материальной конъюнктуры с войнами выражается в том, что главные стороны средиземноморского конфликта – т.е. ислам и христианство – остаются в состоянии непрерывной войны. Войны в узком смысле ведутся с перерывами и заканчиваются миром. Крестовые походы и джихад разделены периодами, в которых обе цивилизации погружаются во внутренние войны. Христиане и магометане воюют между собой. Внутренние войны происходят регулярно после внешних войн.

Основной тезис Броделя звучит так: «Насилие никого не обходит стороной. Но есть войны и войны. Если говорить о таких грандиозных персонажах, как цивилизации, то следует различать «внутренние» войны, раздирающие их лоно, и «внешние», затрагивающие представителей разных культур. Таким образом, мы ставим по одну сторону крестовые походы, джихад; а по другую – внутренние конфликты христианства или ислама, ведь цивилизации подверже-

⁹⁸ Там же, с.714

ны нескончаемым братоубийственным гражданским войнам: протестантов с католиками, суннитов с шиитами... На протяжении многих лет периоды «внутренних» войн довольно последовательно сменяются периодами войн «внешних»⁹⁹. «В истории военных конфликтов на обширном пространстве от Гибралтара или каналов Голландии до Сирии и Туркестана все взаимосвязано. Ритм этой истории един и четок, как колебания переменного тока. В известный момент христиане и мусульмане сходятся в противоборстве крестового похода и джихада, затем отворачиваются друг от друга, чтобы отдать дань своим внутренним раздорам. Но эта алгебра согласующихся друг с другом страстей является ... следствием медленных пульсаций экономической конъюнктуры, общей для всего мира»¹⁰⁰.

Этот тезис относится к обеим сторонам конфликта и проиллюстрирован в третьей части «Средиземноморья». Здесь содержится множество традиционных и фактографичных образцов историографического анализа, включая обобщающие вступления и заключения.

Итак, общая конъюнктура в регионе Средиземного моря ослабла. Это привело к передвижке центра мира и перенесению арены мировых конфликтов. Независимо от этого в Средиземноморье имеют место конъюнктуры с короткой волной. Они являются периферийными в отношении процессов, которые обуславливают внутренние и внешние войны. Бродель доказывает, что именно мировые или локальные конъюнктуры определяют формы, напряженность и социальные последствия войны. Убедительными примерами служат преследования морисков и евреев, рост бунтов и бандитизма. Все они связаны с деконъюнктурой.

Выводы

Противопоставление войны и цивилизации (как предлагает А.Я.Гуревич) бессмысленно. Бродель разработал сеть категорий для вписывания феномена войны в социальную систему. Насилие, диалог, конъюнктура, ментальность, цивилизация, обмен, равновесие – таковы основные понятия анализа. Эти категории обладают общим и открытым характером и специфическим историческим смыслом. Супер- и микро-цивилизации сами ведут (и в их сфере идут) различные войны в виде: форм социальной активности, заполняющей социальное движение-пространство; способов возвращения внутрисистемного равновесия; форм принудительного обмена; форм автокорригирования внутрисистемных отношений.

Войны – это формы движения с разными периодами осуществления. Среди них находятся постоянные войны, которые разыгрываются в соответствии с

⁹⁹ Там же, с.714-715

¹⁰⁰ Там же, с.717-718

ритмами структур и длительных временных протяженностей. Все такие явления могут рассматриваться как постоянные и регулярно повторяющиеся.

Броделя наиболее интересуют те формы войны, которые подчиняются движениям конъюнктур, или процессам среднего уровня. Во-первых, потому, что в этой сфере разыгрываются войны в традиционном смысле слова. Фактографические и событийные категории не фиксируют их конъюнктурное протекание. Благодаря Броделю мы имеем способ исторической интерпретации войны.

Во-вторых, по причине многозначных свойств социальной системы. При описании реальной исторической действительности Бродель подчеркивает значение процессов среднего уровня. Наиболее важной причиной такого положения вещей является то, что изучаемый период приходится на расцвет и упадок старого режима – период стремительного развития городов. Именно они как источник движения образуют связи, динамизирующие мир. Города и обмен – это источник капитализации мира и глобализации социального процесса. На основе анализа трех сфер материального мира (производство, обмен, потребление) Бродель описал неравновесную социальную систему, в которой сфера обмена преобладает и подавляет образ экономической жизни. Но Бродель осуществляет сознательный выбор. Он полагает, что развитие происходит вне сферы инфрээкономики, тогда как уровень материальной жизни, материальной цивилизации есть наиболее постоянный базис движения, фундамент обмена и сфера бытия.

Акцент на конъюнктурный уровень действительности и антислучайный подход к истории ведет к анализу войны вне сферы событийной политики. Война в узком понимании обусловлена глубинными структурами, которые не в состоянии постичь хроникер и историограф-фактограф. Постоянные и сложные системы исторической действительности задают исторические необходимости, которые толкают цивилизации, империи, государства, группы к войнам. По мере постижения глубинных пластов истории мы сталкиваемся с цивилизационной идентичностью обществ, которые «принуждают» военные контакты внутри и вне системы.

Понятие войны включает разные формы насилия, существующие в социальной системе. Вследствие этого можно наблюдать широкое поле интер- и экстракультурного обмена. Бродель сопоставляет традиционные причины войн с истоками «вторичных войн» и «социальных войн». Это позволяет универсализировать исторические предпосылки войн до цивилизационного уровня в пространственном и временном измерении. Тем самым объясняется наличие насилия в жизни обществ. Война – это элемент идентичности социальной системы. Способ сосуществования войны с другими элементами социальных систем выражает ее историческую специфику. Способ ведения войны характеризует того, кто ее проводит, является формой выражения своего бытия в мире.

Такой обзор явлений войны и насилия дает возможность дистанцироваться от влияния мировоззрения (как внутрикультурной системы ценностей) на

толкование роли, значения и природы войны. Война включена в понятийную сеть, которая позволяет нейтрализовать анализ от аксиологических постулатов. Но отсюда не следует, что описание мира как социальной системы достаточно для дистанцирования от оценки в конкретном исследовании. Здесь решающим оказывается факт: Бродель описывает действительность как процессуальную реальность. Актерами в ней выступают процессы, подсистемы и состояния системы. Индивиды не являются актерами истории. В конечном счете творцами истории являются люди, которые образуют культурные группы, общества, классы, профессии. Эти группы выступают как целостности, подчиненные закономерностям, вызывающим их существование.

Вследствие этого война не есть следствие, намерение, индивидуальный акт. Война – это процесс в системе и его движение, равновесие, разные функциональные потребности. «Природа системы» порождает разные формы насилия. Таким образом Бродель занимает свою позицию в вечной дискуссии о природе войны. Натуралисты (Гоббс, Юм, Гроций, Кант, Арон и др.) главной причиной войны считают «человеческую природу». Бродель усматривает главную причину войны в «природе» социальной действительности. На множестве примеров из прошлого он показывает вездесущность форм войны как проявления насилия в рамках ГСС.

Генезис войн обусловлен в конечном счете постоянством социальной дифференциации. Богатые и бедные существовали всегда. Дифференциация образует движение в обществе. Поэтому оно является источником принудительного интерцивилизационного обмена, включая обмен между обедневшим бандитизмом дворянства и людьми, которые являются объектом их нападения.

Броделевский образ истории направлен против событий. Такое видение войны вызывает аксиологические проблемы. События – это действия людей, случаи – это следствия действий индивидов. Событийная историография так или иначе занимается толкованием индивидуальных действий. Для этого она использует категории цели, смысла, намерений, мотиваций, цены действия. Эти категории так или иначе относятся к ценностям. Итог очевиден: война, разбитая на цепи событий и отдельные события, вызываемые индивидами (здесь обычно выступает причинно-следственная связь или ее приписывание), вплетена в выборы, а это уже цели-ценности. Отсюда уже один шаг к обоснованию отдельных действий в концепциях «человеческой природы». В соответствии с такой логикой событийная историография занята установлением индивидуальных исполнителей и виновников (вожди, властители, генералы и т.д.). А причины войны усматриваются в «естественных» склонностях людей к злу, вражде, случайности, врожденной агрессивности и т.д.

Бродель не делает человека ответственным за войну, поскольку человек не отвечает за наличие войны в социальной системе. Человек не вызывает войны как возможную форму действий, он «только» «использует» такую возможность. За существование войн можно возложить ответственность на историю. Она

оставила в наследство такую форму человеческой активности, которую пока не удалось ничем заменить. Войной занимались по мере мнимой необходимости. Война рассматривалась как нормальная форма активности, подобно всем другим (даже на корсарство давалась лицензия). Пиратство было занятием многих поколений людей, из поколения в поколение находили в нем обоснование для его существования. Оно было исторической возможностью и необходимостью. «Нельзя противостоять истории, – говорил Бродель в одном из своих интервью, – люди не творят своей истории. Маркс ошибался, утверждая, что люди – творцы истории. Оказывается совершенно ясно, что история творит людей, которые ей подчиняются»¹⁰¹. Значит, они подчиняются также войнам, ведут их в социальной системе, которая их создает.

Все перечисленные моменты (сознательно или бессознательно) упустил из виду А.Я.Гуревич в своей интерпретации Броделя. Вряд ли они были ему неизвестны. Остается неясно, сознательно или бессознательно он это сделал. При обсуждении этого вопроса на теоретическом семинаре Центра политической концептологии Южного федерального университета 21 сентября 2010 г. профессор Лубский А.В. высказал мнение, что А.Я.Гуревич замолчал перечисленные аспекты теории Фернана Броделя по причине собственных антропологических пристрастий. Это положение можно рассматривать как рабочую гипотезу, которая частично подтверждается изучением текстов А.Я.Гуревича. Значит, эвристичность теории Броделя может быть выявлена на фоне антропологических теорий войны, неожиданно ставших популярными в последние десятилетия и эксплуатирующих старинный концепт «человеческой природы»¹⁰². Но эта тема требует особого обсуждения.

В заключение скажу, что обязан А.Я.Гуревичу за то, что он не только подсказал тему этой статьи, но и привел в движение механизм, запущенный более двадцати лет назад. По крайней мере, теория Броделя остается востребованной как продуктивное средство полемики с современными антропологическими увлечениями значительной части сообщества гуманитариев.

¹⁰¹ El País. 1985. 14.1

¹⁰² См., например. Мартин ван Кревельд. Трансформация войны. М., ИРИСЭН, 2008